

Мир Клевера

Максим Волосатый

Псы Клевера

«Автор»

2010

Волосатый М.

Псы Клевера / М. Волосатый — «Автор», 2010 — (Мир Клевера)

Нет на Земле магии. Нет и не будет. Но значит ли это, что люди, первая раса Клевера, должны исчезнуть? Уйти, чтобы освободить место тем, кто захотел поставить себя выше всех? Сдаться без боя? Склониться в рабском поклоне и не поднимать головы? Не выйдет. Магии у людей нет, но есть маги. И есть воины. И они пойдут до конца. Пойдут туда, где спят глубоким сном существа, охраняющие древнее проклятье. Существа, берегущие покой завоевателей. Охранники. Сторожа. Цепные псы. Псы Клевера.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	39
Глава 5	44
Глава 6	47
Глава 7	52
Глава 8	57
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Максим Волосатый

Псы Клевера

Пролог

(* Словарь Терминов, Действующие Лица: см. в конце книги)

Темнота, вообще, – это здорово. В ней и выспаться можно, и все остальное... Она друг молодежи, стариков, наверное. Да и всех остальных возрастов – тоже.

Кроме детей. В детстве темнота пугает. Сильно. И вот как раз сейчас Севилье темнота напомнила детство. Потому как страшно стало невероятно. Со своей мечтой, сделал он вывод, не надо спешить встречаться... по крайней мере, так уж сильно.

А то получишь... Вот такое....

– Эй, есть здесь кто-нибудь?

Голос прозвучал жалко и пискляво. Звуки вязли в темном воздухе, умирая в шаге от Севильи. Вокруг царил тишина. Нет, не совсем тишина, просто окружающий мир был наполнен совершенно другими звуками, вовсе не теми, к которым он привык. Не теми, которые окружали его до перехода. Не теми, от которых сердце должно было сладко замереть в предвкушении невероятного счастья. Почему-то от этого места Севилья ждал именно такого.

А это то место?!

Вот оно! Вот то, что не давало ему покоя все эти ужасные минуты, прошедшие с момента, когда он, зажмурив глаза и стиснув свой походный мешок, шагнул в радужную (и это уж точно укладывалось в его представление о мечте) круговерть волшебной двери. Двери, которая вела его....

– А-а-ай!!! – Севилья подпрыгнул, как ужаленный. Что-то прохладное и скользкое коснулось ноги.

Справа хрустнула ветка. Протяжный грустный вопль, раздавшийся вдалеке, больше всего напоминал предсмертный крик. В ватной темноте мелькнула и пропала голубоватая искорка. Или это ему показалось?

Трясушимися руками Севилья выудил из кармана зажигалку. Лучше бы он этого не делал. Круг желтого света не только не смог разогнать окружающую темень, он еще и добавил жути: тьма за пределами света стала твердой. И злой. Севилья не знал, почему он так решил, но понимание неизбежного зла, надвигающегося на него, стало нестерпимым. Зажигалка погасла.

– А-а-а-а! – нелепым киношным жестом Севилья выбросил вперед руки.

Во всех фильмах, книгах, мультиках..., везде маги колдовали именно так. Он не знал, чего хочет добиться, он просто хотел, чтобы то, что там, впереди..., перед ним..., ушло. Перестало приближаться, сгинуло, исчезло, испарилось.

После липкой давящей тишины треск и хруст, раздавшиеся в неведомой страшной темноте, оглушили Севилью. Там, впереди, где подкрадывалось ужасное нечто, как будто двигалась огромная гора. К треску прибавился писк. Затем крик. Затем шипение. Темнота ожила, разбегаясь в разные стороны шорохами неведомых существ. Ощущение «нечто» впереди пропало. Но Севилья даже не смог перевести дух. Зло не ушло, оно окружило его со всех сторон. Начало сжимать кольцо, удушая неизбежностью.

И это мир хрустальной мечты? Это сюда он рвался, оставляя позади клочки жизни? Бросая все, к чему он привык и что любил? Чтобы умереть вот здесь, в этой черной кляксе неведомой тишины?

Удушающее кольцо страха сжималось.

– Нет!

Севиля замолотил рукам по воздуху, отмахиваясь от давящего ужаса, вкладывая в каждое движение весь свой страх. Темнота загрохотала, затрещала, начала рушиться. Но на смену ей приходила новая темнота. Страх не исчезал. Взмах, еще, еще, еще....

Ничего не поменялось. Все так же душила темнота. Все так же прятались в ней неведомые ужасы. Все осталось по-прежнему. И он устал.

Сначала Севиля вжал голову в плечи. Потом опустился на одно колено. На оба. Уткнулся головой в землю.

И, наконец, завалился набок, скорчившись на жесткой колючей земле. В голове билась одно единственное желание – спрятаться, спрятаться, спрятаться....

И тишина стала абсолютной.

Зыбкое марево душного летнего послеполудня подминало под себя прекрасный морок, но никак не могло полностью скрыть хрустальные башни, возносящиеся в чистейшее небо, обрамленное величественными пиками гор. Воздух звенел от тишины. Каждая частица мироздания, казалось, радуется, отдавая себя этой прекрасной симфонии мира и счастья.

Опять! Оно! Это видение! Стой! Подожди....

Севиля рванулся вперед и ... оказался на той же самой тусклой улице, по которой рассерженными рычащими псами проносились машины. Что это было? В третий раз уже. Прекрасный город, город, в котором воплотились все его мечты и стремления, в третий раз возник перед ним. И пропал, как будто смытый волшебной волной. Когда это началось? Неужели после того письма? Всего лишь непонятного и, чего уж там, пахнущего дешевой разводкой листа бумаги, на котором неизвестный автор так невозможно красиво описал город из другого мира. Нестыковка на нестыковке. Да еще и с нехорошим шизофреничным душком. «Ты никогда там не был, но ты ищешь и хочешь. И ты имеешь право и силу искать и хотеть...». Ну бред, согласитесь? И все же морок третий раз находил его посреди городских улиц.

Далеко не таких прекрасных, как виделось в мираже....

Бах!

Какой-то урод на огромном раздолбанном вусмерть джипе выплюнул огромный клуб черного дыма прямо в лицо Севилю. Гад! Севиля мгновенно вернулся в реальность, остро сожалея, что тот город так и остался мороком.

Вот интересно, а как он мимо гаишников-то проезжает? Ну неужели же ни один черт не тормознет? Ведь ясно же, что этот хлам прямо со станции ТО будет отправлен под пресс, в утиль, на вторсырье, или куда там их отправляют?

Севиля горько вздохнул про себя, провожая взглядом удаляющийся автохлам и четко понимая, что половина его возмущения – от зависти. Ему и такой пока не светит. У него машины отродясь не было и в ближайшем будущем не предвиделось.

Джип растворился в знойном воздухе, и Севиля вздохнул, глядя ему вслед: в этом Богом забытом городке, пожалуй, заработаешь себе на машину, как же....

– О, ты еще не ушел, – кто-то хлопнул его по плечу, вырывая из накатывающего расстройства.

Севиля обернулся: сзади, улыбаясь во все тридцать два желтых кривоватых зуба, стоял Серега, вечно встрепанный курьер из администрации района.

– И классно, вместе пройдемся, – Серега лучился от удовольствия.

– Ты чего такой радостный? – поинтересовался Севиля. Жаркий день сам по себе выдался отличным, вот только пешком переться по такой жаре удовольствия мало. В автобусе и того хуже: тут непонятно кто еще быстрее до места доберется – ты или этот рыдван. А на такси денег не было: недавняя покупка ноутбука очень чувствительно подкосила и без того нешикарный бюджет помощника инженера по технике безопасности одного из двух городских РСУ. Говорят, где-нибудь в Москве или Питере на его должности и можно сколотить состо-

яние, но столицы далеко, а он тут. Да и просто: недавнему выпускнику на серьезные деньги рассчитывать не приходится.

И еще мираж этот...

– День, считай, закончен, одна ходка осталась, и все, – Серегу материальные проблемы, похоже, не грызли. Он огляделся и тут же добавил по больному. – А что такси не взял?

– Подышать захотелось, – буркнул Севилья. – Свежим воздухом. Спешить-то все равно некуда. Документацию уже сдал, куда гнать?

И тут же пожалел: теперь от попутчика не отвяжешься. А говорить совершенно не хотелось. Тем более что у Сереги, сколько Севилья его знал, для обсуждения значимыми были только две темы: выпить, и по бабам. Ну, еще футбол и подраться со вторым районом, но это так, факультативно. Так что стоило ждать очередной порции рассуждений, где по пьяни лучше телок снимать. Как будто он без него не знает...

– Сегодня в «Орионе» вечером тусняк, – не подвел Серега. – Будешь?

Севилья на активно рекламируемые вечера в одном из самых «демократичных» клубов города, на которые его регулярно приглашали все коллеги и среднезнакомые, являлся через раз, и удовольствия оттуда выносил мало. Но лишний раз объяснять, что его не прельщает накачиваться пивом под оглушающую музыку, не было никакого желания. Тем более Сереге, который его точно не поймет.

– Подём, – залихватски подмигнул тот. – А то чё ты как неживой?

Севилья поморщился, но на ярком солнце сошло за прищур. Серега, сам того не желая, ткнул его во вторую больную точку после отсутствия денег и перспектив.

– Дела, – коротко бросил он, чтобы не ввязываться в объяснения.

– Да ладно, – не поверил Серега. – Какие там дела вечером? Зато оттянуться можно по полной. Ты прикинь, чё в ту пятницу учудили...

И он зажурчал очередную историю о разухабистых похождениях. Севилья мысленно закатил глаза и обреченно поплелся рядом: остановить развернувшегося Серегу шансов практически не было. Оставалось терпеть.

– ... я ей и говорю, – хитро прищурился Серега, продолжая свое журчание, – смотри, мол, вон созвездие Лебеда. Красивое? И рукой так, как будто показываю. Знаешь, как на них действует, когда про звезды чего рассказываешь?

– Чего? – переход от алкогольных коктейлей к созвездиям в исполнении Сереги был настолько неожиданным, что Севилья даже про плохое настроение забыл.

– Про звезды, – пояснил Серега. – Бабы тают на раз.

– А ты знаешь, где созвездие Лебеда? – не поверил Севилья.

– Не-а, – довольно осклабился Серега. – Я только Большую Медведицу и Кассиопею знаю. Ну так мне и не надо, она-то тоже не знает. Зато красиво. И ей приятно, и мне. И слово, вроде, подходящее.

Сказать, что он думает по этому поводу, Севилья не успел: в кармане заворочался и заорал дурным голосом мобильник. Севилья специально поставил на него самую убойную трэш-шевую мелодию, чтобы даже на объектах слышать, но что хорошо на грохочущих стройках, не всегда удобно в жизни. А переставлять каждый раз было лень.

– Жесть, – с завистью прокомментировал Серега. – Перекачаешь?

– Потом, – отмахнулся Севилья и отвернулся, чтобы поговорить. – Привет, Кол.

– Дарова, – прохрипел мобильник. – Когда дома будешь? Есть что показать, раз уж ты у нас теперь с железом нормальным.

– Вечером, – твердо решил Севилья.

Коля Рышков, в городе больше известный как Кол, бранный мир уважал не сильно. Терпел, но не более, предпочитая проводить время в параллельной вселенной «Н&S». В смысле «hard» и «soft». От реальности ему требовалось только исполнение физиологических потреб-

ностей: поесть, в туалет, поспать (изредка), ну, и, в общем, все. Одеждой он сильно не заморачивался: главное, чтобы тепло и прочно. На деньги плевал: при необходимости он с его талантом легко находил заработок. Про девушек Севилья от него только слышал, но видеть кого-нибудь в его захламленной донельзя квартире ему не доводилось.

Зато Кол был богом программирования. Ничто не доставляло ему такого удовольствия как выход какой-нибудь новой проги, которая могла то, чего не могли до нее. Об этом он готов был говорить часами. Сам Севилья к программистам не относился никаким боком, но Кол был его другом с первого класса, да и не весь его репертуар был таким уж занудным. Иногда он вытаскивал из загадочного мира двоичных кодов оч-чень неплохие штуки... И, судя по хриповатому голосу, сейчас он тоже нашел нечто не совсем ординарное. Тем более что даже решил выбраться из своей берлоги и лично появиться у Севильи. Ну что ж посмотрим.

– Вечером.

– Договорились, – хрипанула трубка. – В восемь я у тебя.

– Так чо, в «Орион» не пойдешь? – Серега из услышанного сделал правильные выводы.

– Я ж говорю, дела, – подстроился под ситуацию Севилья.

– Ну-ну, – хмыкнул Серега. – А зря. Там сегодня будет на что посмотреть.

Севилья вздохнул про себя. С тех пор, как он год назад твердо решил выбраться из этого болота на окраине некогда великой империи, его взгляды на окружающий мир претерпели весьма кардинальные изменения. В частности, это коснулось противоположного пола. Стали резать глаз разбитные ухмылки завсегдатаек «Ориона», раздражать матримониально оценивающие взгляды на работе, душить многозначительные намеки знакомых. Вариантов было много, но душа просила чего-то другого. Высокого, чистого. Чего-то, к чему надо было стремиться, надрываясь изо всех сил. Оставляя клочки израненной души и ...

«Дурь, короче», вынес по этому поводу вердикт Кол, с которым Севилья имел неосторожность поделиться переживаниями. «Ты эти свои страдания засунь куда-нибудь поглубже», посоветовал он. «И так тебя половина баб душняком занудным считает. Тебе еще блаженным надо прослыть? Тянет пообщаться с «благородными» – держи». И он в своей манере тут же наковырял в Интернете ссылок двадцать на разные форумы и сообщества, где маялись безысходностью такие же страдалыцы. Севилья попробовал и забил. Не то.

– Наши сегодня собрались..., – не отставал Серега.

Он зудел и зудел, а Севилье вдруг вспомнился небольшой трехэтажный домик с башенкой, аккуратно стоящий посреди всех хрустальных дворцов являвшихся ему в том мираже. Дворцы каждый раз были разные, а домик – все тот же. И почему-то он был гораздо милее и ближе всего остального великолепия.

И посреди пыльной жары на Севилью вдруг повеяло горной прохладой. Чистой и свежей. И еще... Он мог поклясться, что ему кто-то улыбнулся сквозь такое далекое и такое зыбкое видение. Улыбнулся по-доброму. Радуюсь, что Севилья есть, что он может видеть этот город. Даря то самое чувство, которое Севилья так долго искал...

– А потом можно будет забуриться в..., – резкий на фоне неземного очарования миража голос Сереги разломал на части неверный призрак счастья.

Севилья чуть не стукнул его от расстройства.

– Слушай, извини, – дернул он головой. – Я забыл совсем, мне шеф же еще сказал зайти в ... мнрпотвью

– Чего? – переспросил неготовый к такому резкому повороту Серега, но разговаривал он уже с пустотой. Севилья, не обращая внимания, на редкие машины, рванул через дорогу. Серега скептически посмотрел ему вслед, пожал плечами и побрел дальше.

Жаркое солнце равнодушно высушивало придорожную пыль.

Уже стемнело, когда в дверь квартирки Севильи позвонили. Он моргнул, выныривая из невеселых мыслей: весь вечер честно пытался почувствовать свежий горный воздух – безрезультатно. Встал, потянулся, разминая затекшие от долгого сидения мышцы, и пошел открывать.

– Здоров, Севка, держи, – зашедший Кол протянул Севилье увесистый пакет.

– Что это? – автоматически переспросил Севилья, хотя особой необходимости в уточнениях не было. И так все ясно.

– Пиво, – Кол казался оскорбленным до глубины души. – А что там может быть? Шахматы?

– А почему бы и нет? – съязвил Севилья.

– А потому что в шахматы я играю на компе, – в тон ему парировал Кол.

Пиво было еще одним атрибутом Кола. Он мог его пить постоянно. Причем пьяным его Севилья видел считанные разы и как раз тогда, когда пили НЕ пиво. А так от него даже не пахло. Парадокс.

Кол отдал пакет, скинул кроссовки и направился в комнату, доставая из сумки своего зверя. Никак по-другому этот агрегат, с которого можно было влегкую управлять полетами баллистических ракет, назвать было нельзя. Севилья поднял брови: обычно Кол открывал банку (бутылок он не признавал в принципе) сразу же по приходу, но в этот раз изменил привычке. Севилье даже интересно стало, это что ж такое он наковырял?

– Смотри, – Кол удобно развалился в единственном компьютерном кресле, оставив Севилью стоять с банками пива в руках, и запустил матово поблескивающего «зверя». Тот пошуршал немного и мягко засветился заставкой.

– Здравова, мать твою!

Раздавшийся хриплый вопль заставил Севилью сначала вздрогнуть, а потом смачно выругаться. Это уже стало почти традицией. Сколько раз он слышал этот приветственный вопль из компа Кола, столько раз он заставлял его врасплох. Кол захихикал. Это тоже входило в традицию.

– Смотри, – загадочно поднял палец Кол.

Его «зверь» загрузился практически моментально и Кол тут же запустил с рабочего стола смутно знакомую иконку, при виде которой у Севильи что-то екнуло внутри. Иконка не походила ни на что, виденное ранее, но все же ...

– Вчера ночью нарвался, – не отрывая взгляда от экрана, отрешенно сообщил Кол. – Из его голоса ушли резкие нотки, он целиком был поглощен разворачивающейся картинкой.

Севилья хотел было подивиться такой смене настроения вечно ерничающего друга, но тут картинка приобрела очертания, и у Севильи перехватило дыхание: на фоне тонких шпилей хрустальных дворцов на склоне горы уютно примостился небольшой трехэтажный домик с башенкой наверху.

Он смотрел и смотрел, не в силах оторваться. Рядом сопел Кол. На столе шуршал «зверь», разворачивая на экране кристальное волшебство далекого чужого мира. Именно чужого, поскольку земное солнце зеленоватым не было.

– Смотри, что сейчас будет, – прошептал Кол.

Севилье не требовалось никаких подсказок. Он знал, что будет. Знал и ждал. Теплового ветра, тихого солнечного света, оглушающей тишины, обещающей прелесть каждого нарушившего ее звука... И кто-то вдали приветственно улыбнулся ему, как старому доброму знакомцу.

Внутри Севильи разлилось тепло: теперь он точно знал, что где-то есть место, где его ждут. Где ему рады. И куда ему обязательно надо попасть.

– Что за черт? – обескураженный голос Кола прозвучал как скрип пенопласта по стеклу. Мир, глядящий на Севилью с экрана компьютера, дернулся, покрылся рябью ..., но устоял.

– Тихо, – завороченно попросил Севилья, положив руку на плечо Кола.

- В прошлый раз на меня как будто кто-то посмотрел оттуда, – Кол дернулся подправить.
- Не надо, – Севилья сжал его плечо. – Все работает.
- Что работает? – раздраженно дернулся Кол и обмяк, глядя на Севилью. – А? что...?

Ты видишь?

– Да, – прошептал Севилья, блаженно греясь в лучах дружелюбия, исходящего от неведомой программы. Он не знал, сколько это продлится, но готов был стоять так вечно.

– Она сейчас закончится, – вдруг сообщил Кол.

И действительно, хрустальные замки начали опять, как тогда, в его видении, медленно блекнуть, растворяясь в закатном свете. В неведомом мире начинался вечер. Последним пропал маленький трехэтажный домик.

– Что это?

Экран давно показывал стандартную заставку, но Севилья продолжал смотреть в компьютер, угадывая за электронными цветами пикселей стремящиеся в небо стрелы шпильей.

– Э-эй, ты со мной? – Кол помахал рукой перед глазами Севильи.

– А? – Севилья очнулся от наваждения. – Что это?

– О-о-о, брат, – Кол аккуратно вынул из руки Севильи банку пива, пшикнул кольцом и вальяжно развалился в кресле. – Что есть Клевер, знаешь?

– Конечно, – пожал плечами Севилья.

Действительно, не зная о том, что земляне обнаружили параллельные миры, населенные разумными существами, тут же ввязались с ними в войну, почти выиграли ее, почти проиграли, и в итоге остались в своем мире, отбиваясь от магических атак нелюдей, было невозможно. Земля воевала и это факт. То, что их городок эта война пока обходила стороной, ничего не меняло.

– А знаешь, что не все наши вернулись от этих эльфов? – задал не менее риторический вопрос Кол.

Севилья молча кивнул. Тут тоже не требовалось никаких комментариев. Естественно, кто-то да пропал без вести или остался на той стороне. Война все-таки.

– А про магов земных, которые там остались и свое королевство сделали? – начал подбираться к сути Кол.

– Ну, какую-то сказку слышал, – неопределенно пожал плечами Севилья.

– Сказку? – Кол бросил на него полный превосходства взгляд. – Вот она, эта сказка.

Он указал на компьютер. Севилья невольно проследил за ним взглядом.

– Ничего это не сказка, – видно было, что программа сильно зацепила обычно довольно циничного Кола. – Он и там остались, создали свое королевство, или как там оно называется, и теперь зовут всех к себе. Всех, кто сможет прийти.

– Зачем? – не понял Севилья. – И почему так? Прийти и рассказать все разве не проще?

– Куда прийти? – Кол посмотрел на него как на ребенка. – Ты знаешь, куда деваются те, у кого выявляют магические способности?

– Нет, – покачал головой Севилья.

Он правда не знал. Из их общих знакомых никто «магом» не стал. Да и вообще, как только эта вся заварушка началась, прошла волна, когда на каждом углу кричали о магах, которых требовалось срочно найти среди людей. Кричали-кричали, а потом как-то все само собой затихло. И все, больше эта тема громко не обсуждалась. В смысле, что надо бы покопаться, вдруг, кто магом да окажется, вот прикольно будет.

– Их силовики всех к себе прибирают, и все, кабздец.

– Что кабздец? – не понял Севилья.

– Все, – Кол развел руками. – Они так и остаются на них работать. Война же. Какой на хрен новый мир? Какое на хрен королевство магов? Тут сидите, Родина зовет.

– И чего? – Севилья решительно не въезжал, причем тут компьютерная программа, военные и королевство каких-то магов. И какое отношение это все имеет к городу его мечты.

– Ты че-то тормоз какой-то сегодня, – недовольно нахмурился Кол. – Даже больше, чем обычно. А как им еще о себе рассказывать, чтобы люди узнали, что они есть, и к ним можно прийти?

– А в тот раз, помнится, ты громче всех орал, что это все туфта и дурь, – Севилья действительно начал припоминать, что когда-то эта байка уже ходила по городу.

– Ну дак, ты тоже вспомнил, – хмыкнул в ответ Кол. – Тогда ее Серега рассказывал, а ему верить, себя не уважать. А тут вот чего....

Севилья улыбнулся. Ну да, ну да. Пока Колу словами рассказывали – трин-трава. Чушь и ересь. А как только в инете объявили – все, аксиома. Земля уже круглая, черепаха со слонами сошли, пожалте бриться.

– Подожди, – вдруг спохватился он. – А что ты там говорил про «прийти»?

– Куда? – не понял Кол. – Ко мне? Пошли.

– Да на хрен мне твой бомжатник, – отмахнулся Севилья. – Ты про прийти в это, королевство магов, что говорил только что?

– А про это? – Кол допил пиво и привычно, как у себя дома, сплавил банку под стол. – Так говорят, это и есть программа перехода туда, к ним. Я только не допер еще, как она фурычит. А че, прикольно, согласишься? Хотя не знаю, не знаю, может и пустышка, – засомневался он. – Но вставляет, а?

– Вставляет, – согласился Севилья. – И это не пустышка....

Он смотрел остановившимся взглядом в стену перед собой и слышал ..., нет, не слышал ... понимал, чувствовал, осязал, что это оно. То самое, чего он ждал всю жизнь. Кто-то изда-лека одобрительно кивал в тон каждой его мысли. Поддерживал, успокаивал. Радовался, что он, Севилья есть, и скоро придет.

– Качнешь мне? – отрешенно попросил Кола Севилья, не отрываясь от стены, чтобы не потерять это ощущение.

– Конечно, – удивился тот. – А как еще? Я ж для этого и пришел.

– Что, пробовать будешь? – поинтересовался он чуть погодя, когда его «зверь» закончил перебрасывать невеликий объем программы на ноут Севильи.

– Буду, – все так отрешенно согласился Севилья. От стены он оторвался, но ощущение, к счастью не пропало.

– Сделаешь, мне расскажи, – попросил Кол. – А то у меня чего-то ни фига не получается. Вставлять вставляет, а дальше никак. А хочется. Расскажешь?

– Обязательно, – пообещал Севилья, выпроваживая друга.

– Только не похерь, – Кол задержался на пороге.

– Никогда, – заверил его Севилья, налегая на дверь.

– Знаю я тебя, – не успокаивался Кол. – Заиграешься

«Клац», сказал замок на захлопнувшейся двери.

– ..., и забудешь, – закончил он.

Через три дня, стоя в окружении милиции, фээсбэшников и еще каких-то странных, но очень значимых ребят, приехавших на глухо тонированном джипе, Кол с тоской смотрел на так и не выключенный компьютер Севильи. На нем за темной заставкой экрана прятались тонкие шпили неведомого мира, и уютно ждал кого-то трехэтажный домик с башенкой на крыше. Небольшой, почти незаметный на фоне остального великолепия....

– Забыл все-таки ..., – укоризненно пробормотал Кол и вдруг прищурился: это показало, или кто-то из зыбкой хрустальной дали улыбнулся ему как старому и доброму знакомому?

Калейдоскоп

Из портала, один за другим, начала вываливаться группа. Первыми вытолкнули раненых. Медики, в соответствии с инструкциями подтянувшиеся за полчаса до расчетного времени открытия портала, тут же подхватывали безвольно шатающиеся тела, оттаскивали неподвижных. Двоих бойцов, окровавленных, обожженных, переломанных тут же погрузили в машины. Иж ждал госпиталь. Еще на двоих пришлось сначала натянуть *демаги**, амулеты, нейтрализующие до сих пор плюющиеся магическим ядом узоры*, намертво прилепившиеся к бойцам. Встречающий взвод напрягся и взял на изготовку автоматы: группа отходила с боем.

Затем из сполохов жемчужного пламени полетели трофеи. Пара техников, освобождая площадку, сноровисто оттаскивала намертво замурованные ящики, на которых помимо обычных замков висело еще и по несколько сторожевых узоров. Пара дежурных магов начала тут же разгибать намертво скрученные магические линии, не дожидаясь, пока они начнут растворяться в жестокой безмагической пустоте Земли*. Ящики тут же сортировались, укутывались магически нейтральным пологом и отправлялись в лабораторию.

Оставшиеся маги напряглись, приготовились: в проем портала спиной вперед, не переставая стрелять, влетел первый боец. Оборвавшаяся очередь, резанула по ушам среди лязга, гама и топота.

– Три на-халь*, пол арда*, Красные*, – проорал боец, не обращая ни к кому. Втерчающие поняли: слитно клацнули затворы, зашипели разворачивающиеся узоры, освобожденные из магиприпасов, встречающие раздались в стороны, чтобы не стоять на векторе портала.

Пошла основная группа. Один, второй, третий... Предпоследним, как заведено, вылетел командир:

– На последних огонь!

Дружный вдох, и тишина....

Спины двух бойцов прорвали жемчужную занавесь. Та-да-да-да-да-да-да.... Автоматы не замолкали ни на секунду, поливая свинцом казавшиеся безжизненными сполохи. И тут же из мерцающей пелены высунулась оскаленная морда, истаивающая на глазах. Морда разинула пасть....

Пшь-шь-шь-шь. С противным свистом раскрылись магиприпасы, поливая фиолетовым огнем прямоугольный проем двери между мирами. Морда разъялась на куски, пошла пятнами, исчезла. И на месте нее вдруг выросли две переливающиеся всеми цветами радуги фигуры с недлинными, причудливо изогнутыми луками: стрелки аталь, с головы до ног покрытые магической броней амулетов.

Дружный залп ударил по мерцающему прямоугольнику, вбивая тонкие фигуры обратно. Сбитыми силуэтами в тире аталь начали заваливаться обратно в междумирье. Первый пропал так же молча, как и появился, а вот второй все же успел отпустить тетиву натянутого лука.

Длинная краснооперенная стрела воткнулась почти в центр площадки перед порталом и из прикрученной к наконечнику колбочки рванулась грязная поземка. Боевой узор.

Дико закричал не успевший увернуться медик, порскнули в разные стороны техники. Жизнь магического узора на Земле недолга, магический вакуум скоро высосет его. Но пока он живет....

Поземка, испятнав язвами медика, как будто набрала сил. Приподнявшись над землей, она заклубилась, набухла, пошла буграми, в которых угадывались жадные, голодные щупальца. Заметались дежурные маги, бросая узоры, зашипели защитные магиприпасы. Поземка не обратила на них ровным счетом никакого внимания. Мир замер на мгновение....

Высокий светловолосый человек с прямой, аристократичной осанкой, не принимавший участия в общей суете, вдруг шагнул вперед, поднимая руки на уровень груди. Он схватил

перед собой невидимый шар, и грязные клубы поземки вдруг замерли. Запульсировали, завертелись на месте, пытаясь разойтись в сторону. Не вышло. Человек, вытянув одну руку, вторую резко дернул на себя, как жнец, проводящий серпом по снопу. Тонкая нота, раздавшаяся после его жеста, секунду спустя оборвалась. Грязная туча взвилась вверх, вытянулась в столб ... и растворилась в светлом небе, оставив после себя только корчащегося на утопанной земле медика, к которому тут же бросились коллеги.

Раздался хлопок, это один из дежурных магов деактивировал портал. Встреча группы закончилась. Одна из многих.

Человек, не говоря ни слова, развернулся, жестом показал закопченному командиру группы следовать за ним, и неспешно двинулся в сторону блиндажей полигона. Налетевший ветер чуть распахнул форменный плащ. Блеснуло золото погон.

– Видал, как умеет? – один из технических магов толкнул в бок напарника, замороженно провожая взглядом удаляющуюся фигуру.

– Еще бы, – тоном знатока отозвался тот. – Это ж Гермес Седьмой*. Он магом был, когда ты еще штаны задумчиво рассматривал на предмет описаться или как. Он еще и не так умеет.

– Да ну, – не поверил первы й.

– Вот тебе и «да ну».

– А что он тут-то делает? – техник недоуменно поднял брови. – Он же должен сидеть в этом, как его, Пестике. Он же внеземной базой командует. Красный Замок*, нет?

– Кому он чего должен? – ухмыльнулся напарник. – Ходит, где хочет. Раз пришел, – он многозначительно поднял палец, – значит надо. Видать не простые у нас с тобой сегодня ящички.

– А когда они были простые? – усмехнулся первый техник.

– Во все остальные разы, – наставительно произнес второй. – Сам Гермес не каждый день приходит на встречу группы. Заканчивай болтать. Взяли.

Приглушенный свет. Просторное сводчатое помещение подземного зала. Одна из стен мерцает небольшими, постоянно перемещающимися огоньками. Хребет Имарута. Глубина. Незыблемые скалы.

Негромко журчит выливающийся из стены родник. Совершенно нестрашный здесь. Наоборот, своим журчанием дарящий ощущение непрерывности текущего бытия. Глеммы*. Пара десятков тел, полулежащих в просторных удобных креслах. На первый взгляд они кажутся расслабленными. Лишь руки, лежащие на тонких пластинах кристаллов, по которым время от времени пробегают короткие разноцветные сполохи, вспыхивающие в такт мерцающим огонькам на стене, выдают скрытое от посторонних глаз действие.

Иривальяд, личная гвардия Танатоглемма, правителя Серого Лепестка. Самая невидимая его часть. Слухачи. Стена Вероятностей*.

Одно из тел открыло глаза и село чуть прямее. Сзади из полумрака тут же выдвинулся темный силуэт. Дежурный дольмит. Отвечающий за расшифровку и немедленный доклад.

– Цепь Света, – хриплый от долгого молчания голос начал наговаривать только что ушедшие видения. – Изменение подпитки. Усиление участка. Нарушение единства течения. Дисбаланс. Совмещение отклонений. Разрыв.

Пауза.

– Какой участок? – голос дольмита негромок и спокоен. – Коррекция времени? Причина? Статус источника?

– Зона охраняемого Звена, – слухач начал конкретизировать донесение. – Усиление видится. Нарушения не свершены, но близки к неизбежным. Разрыв вероятен. Устранение источника нарушения, разрыв менее вероятен. Причина – красный. Огонь.

Секундное молчание, и напряжение в голосе.

– Боноах. Усиление. Проиворечие, – еще больше напряжения. – Множественные вероятности. Не совпадают. Расслоение миров. Красный огонь. Повторяю – огонь.

И практически без паузы:

– Доклад закончен.

– Принято.

Дольмит отступает в полумрак, слухач обмякает в кресле.

Из стены с негромким журчанием продолжает изливаться подземный родник, напоминающий о неизменности течения бытия.

Он любил это ощущение. Наперекор всем писаным и неписаным правилам.

Нельзя причинять вред себе? А где вы видите вред? Это не опасность, это тренировка.

Живые существа не могут быть использованы в своих целях? Дрессировка не поощряется в современном обществе? Предки отошли от использования живого? А кто здесь живой? Зверь, созданный силой хальер*?

Им нельзя управлять при условии физического контакта?...

Он расхохотался во все горло, подставляя лицо режущему ветру. Кто говорил о защите? Чистым эмоциям не должно мешать ничто.

Чуть заметным движением руки он послал Зверя в крутое пике, наслаждаясь каждым мгновением падения. Громкий хохот затрепетал позади него, словно полы плаща. Кто вам сказал, что это невозможно? Кто?

Отринувшие волю к жизни? Спрятавшие ее за пышными ветвями условностей и правил? Не могущие сказать слова против навязанных им правил? Загоняющие себя и окружающих в рамки, не дающие увидеть весь яркий и объемный мир. Мир без условностей, в котором побеждает сильнейший. И талантливейший....

Зверь, в последний момент расправив крылья, мягко приземлился. Принц Лианы зол-италь Сандель одним движением, следуя инерции, тянущей его вниз, текуче соскользнул со спины своего творения. И замер. Прямой, невозмутимый.... Довольный.

Перевел взгляд на стоящего в тени дерева серкетера.

– Что у тебя Каллимо?

Тен-галь Каллимо, личный серкетер Принца, подобрался.

– Зеленый Принц сообщил, что ваши аргументы кажутся ему достаточными для того, чтобы вас выслушать.

Сандель ни одним движением не выказал своего удовлетворения. Другого варианта развития событий просто и не существовало.

– Отлично, завтра, по завершению рассветного круга, я буду готов изложить свои соображения. Это устроит Зеленого Принца?

Глаза зол-италь Санделя оледенели. Нет, это не презрение, – это отношение равного к равному. Возвысившемуся волей случая.

В конце-концов Ветвь Лианы ничем не уступает Ветви Озерного Берега. И что с того, что последний из Ататидов*, запечатывая своей кровью сгубившее их род проклятье*, отдал местоблюстительство тому, кто в тот момент был ближе к золотому блюду милостей Правителя? Жизнь поставит все на свои места. Со временем.

– Зеленого Принца, скорее всего, устроит, – Каллимо знал, когда можно чуть отпустить вожжи этикета. – А вот нас – нет.

– Что? – спокойно и даже где-то небрежно поинтересовался Принц Лианы, распуская узор, из которого состоял его крылатый зверь.

– Мастера Жизни просят выделить им дополнительное время. Они пришли к выводу, что узор расширения Проводника несовершенен, а изменить истоки линий, питающихся от

Цепи Света, можете только вы. Поддержание текущего состояния более чем эффективно, но при расширении....

– Я уже сказал, и повторять не собираюсь, – в голосе Санделя проскользнули недовольные нотки. Благодаря захватывающему дух полету, пока только проскользнули. – Узор подпитки должен быть автономен. Никакого личного присутствия на-халь.

– Узор может изменить приоритеты, и восприятие реальности претерпит более чем значительные изменения. И в этом случае его ареал начнет неконтролируемое расширение, – Каллимо все же сделал последнюю попытку возразить. Хотя иногда это могло оказаться чревато неприятностями.

Но, против обыкновения, гром не грянул. Мало того, Принц Лианы ... чуть приподнял уголки губ, обозначая улыбку.

– Завтра, по завершению рассветного круга, я буду готов представить свои соображения Зеленому Принцу, – повторил Сандель.

Он закончил ропсук узора Зверя.

– Запомни, Каллимо, – бросил он через плечо, следя за исчезающими линиями. – Когда ты ввязываешься в игру с такими ставками и такими силами, к победе тебя должен привести не твой путь....

Он сдал паузу. Каллимо почтительно внимал.

– ... а все пути.

Не говоря более ни слова, Принц Лианы зол-италь Сандель повернулся и пошел к транспортному порталу, видневшемуся невдалеке.

Прямой, невозмутимый.... Довольный.

Вечер. Звезды. Пестик. Баронство Такатак. Шепот вечерней зелени. Таверна. Кривой Сай, квадратный глемм, Старший вольдовской* Команды, сделал глоток янтарного пива из огромной кружки. С удовольствием крякнул. Вытер пену с губ. Поставил кружку на стол.

– А маги-то земные все-таки научили Такатака варить пиво, – с удовольствием резюмировал он.

Негромко. Так, чтобы переключить беседу на другую тему. Не получилось.

– Но я бы на их месте все же туда не совался, – высоченный, как почти вся их раса, сидящий неподалеку от Сая торк* оскалится в клыкастой улыбке. Со стороны походило, правда, на злобный оскал, но это все же была улыбка. Довольная, отдающая дань смелости магов Братства. – После их последнего похода, даром что пол-сахаша прошло, там все еще не хорошо. Вот нехорошо, и все. Неуютно.

– Ты там был что ли? – подал голос кто-то с дальнего конца стола. – Откуда знаешь?

– Ну да, был, – хмыкнул в ответ торк. – Что я, глава ихний, Мастер Ацекато тебе, что ли? Один туда соваться?

– Так чего языком мести?

– А нехорошо там, и все, – набычился торк. – Ты помнишь, что они змея этого, тиххина, в прошлый раз там уделали, и Тварей всех поразгоняли оттуда? Во-от, – торк вспомнил о своей кружке. Шумно хлебнул и вернулся к разговору. – Так после всего этого там, говорят, кто-то из Лепестков* ходил. Может, халь, а может, еще кто. Какие-то узоры ставил, и Твари обратно так и не вернулись, – он заговорщицки понизил голос, – А еще поговаривают, что после всего этого там Пауки* поселились.

Ответом ему был хор голосов. Одновременно и возмущенный и одобрительный.

– Это у тебя в кружке пива много поселилось....

– И я слышал....

– Да хватит уже ерунду-то нести....

– Прям Пауки?

– Что, прям сам видел?

– Кто видел, тот не расскажет....

Кривой Сай немного послушал, вздохнул и вкусно хрустнул поджаренным ломтиком *башата*, посыпанным океанской солью. Еще одним новшеством магов Земли, принесенным в Пестик. Нет, и соль, и башат ели и до них, но вот жарить пористые ломтики и посыпать их солью под пиво придумали люди. Кажется, кто-то из Улитарга*, этого их Города Магов. Ну, то есть, как придумал. Просто пиво заказал, и попросил пожарить башат. А потом соли сыпанул. Угостил вольдов.... Мгновенно прижилось.

Сай взял еще один горячий ломтик. Мысли перепрыгнули на предстоящий выход группы Братства Магов Земли в Территории*. А вещающий за столом торк, Сай запомнил, как его зовут, в принципе, прав. Нехорошо стало возле могильников. Неприятно. К ним и так никто особо не совался, а после того выхода, когда Братство с Красным Замком там шороху навели, так и вовсе невмоготу стало.

Но они все равно туда собираются.

Сай прищурился, вспоминая. А ведь кто-то что-то про это недавно говорил. Теренс? Точно, Теренс. Нет, он определенно что-то такое говорил.... А Теренсмарант Идалил не тот глемм, который будет просто так языком молоть....

Сай задумчиво хрустнул еще одним башатом. Соль на языке тут же потребовала еще пива. Прохладная горьковатая струя смыла соленый вкус и принесла в вечернюю голову мысль.... Нет, не так: Мысль. И уже ставя кружку на стол, Кривой Сай понял, что он завтра захочет спросить у Теренса, одного из самых уважаемых Старших вольдовских Команд.

А он сам, часом, не с ними ли собирается?

Глава 1

– Итак, на повестке дня у нас остался один единственный вопрос, из ответа на который, собственно, и будет проистекать план наших дальнейших действий. Вы согласны со мной, уважаемые?

Никто из Старших Рас*, обитающих в трех Лепестках Клевера*, не мог сравниться с аталь в изяществе и неординарности идей. Никто из Старших Рас Клевера не мог соревноваться с глеммами в качестве и продуманности подготовки и обеспечения. Но когда наступало время действовать, то первыми действовать начинали торки. И поэтому неудивительно, что эта встреча проходила в Желтом Лепестке, куда Юхнан Непобедимый (некоторые, правда, считали это прозвище чересчур помпезным) пригласил двух своих коллег. Ибо пришло время принятия решений и время действий.

– Простите, сараси Юхнан, – ириглемм Тагаррит, Партанато* Серого Лепестка*, оторвался от завораживающего заката.

Большинство обитателей Клевера к торкам относятся свысока, считая их туповатыми забияками, превыше всего в жизни ставящими возможность подраться, и не способными ни к чему, кроме бездумного разрушения. Еще бы, чего стоят одни только принципы хальер, используемые ими для своих узоров. (К слову, сами торки этот образ поддерживают по мере сил и даже, некоторым образом, поощряют.) Но если посмотреть шире, то легко можно заметить, что подобное мнение сохраняется только у тех, кто и близко не допускается к принятию решений.

Объясняется это до неприличия просто: ни в Зеленом, ни в Сером Лепестках попросту не осталось руководителей, пренебрежительно относящихся к «тупым орудиям убийства». Торки, воюющие на протяжении всей своей истории, действительно имели право называться «орудиями убийства», но вот только те, кто добавлял к этому определению слово «тупые», в живых долго не задерживались.

Искусство войны в Желтом Лепестке было доведено до совершенства. А война излишеств не любит. Поэтому принцип «достаточности», сохраненный торками еще с незапамятных кочевых времен, неизбежно присутствовал во всех сторонах их жизни. Включая чувство прекрасного. Что никоим образом не сказывалось на качестве этого самого «прекрасного».

– Я приношу свои извинения, – еще раз повторился Тагаррит. – Этот пейзаж способен заставить забыть обо всем.

– Я рад, что вам понравилось, – слегка наклонил голову Юхнан. – Я старался доставить вам удовольствие.

– У вас получилось, – почти дружелюбно улыбнулся глемм.

Ириглемм Тагаррит, как и все глеммы выросший в подгорных городах, к открытым пространствам относился плохо. Одно дело – горы. Да, там тоже есть даль, ложащаяся к твоим ногам, но в горах взгляду есть за что зацепиться. Есть опора – вечные вершины, олицетворяющие собой незыблемость мира. А здесь? Уходящая вдаль равнина. Взгляд теряется в безбрежности, не понимая где, кончается земля и начинается небо.

Но, как ни странно, неуютности не было. Присмотревшись, Тагаррит в полной мере оценил все тот же принцип «достаточности», с которым было создано это место. Просторный деревянный навес-раковина стоял прямо посреди степи. Казалось бы, и подземному жителю глемму, и предпочитающему лесную зелень третьему участнику встречи, Принцу Лианы золиталь Санделю, выбор места мог выказывать пренебрежение, граничащее с оскорблением. Но вот не выказывал. Находясь в «раковине», глемм всегда краем глаза видел границы довольно толстых стен, создающие чувство защищенности и закрытости. А предпочтениям аталь, с тре-

петом относящимся к естественности, потакал материал, из которого был изготовлен навес. Бережно сохраненные деревянные плиты, казалось, никогда не подвергались никакой обработке, а прямо так и выросли, чтобы встать на свое место, идеально подходя к своим собратьям. А, может быть, так оно и было...

Но основным достоинством вечера являлось далеко не это. Перед вельможами, сидящими в глубоких удобных креслах, покрытых мягкими шкурами каких-то животных, уходило вдаль безбрежное пространство степи. Той самой легендарной степи Желтого Лепестка, из-за которой он и получил свое название.

Высокая трава гуляла волнами, перекатывающимися из края в край. Свежий степной ветер гнал эти волны вдаль, оставляя их на горизонте на волю желтого солнца, так не похожего на солнца двух других Лепестков, принадлежащих Старшим Расам. Мир походил на магический узор, как его видят лучшие из халь, уходящие в мир грез, чтобы создать очередную жемчужину узора хальер. Неподвижность синеющего неба, торжественность уходящего солнца и неспешное волнение земли, показывающее каждое движение вольного ветра. Быть может в этом и крылось очарование: это небо может меняться, то скрывая солнце за облаками, то проглядывая бирюзовой высью, а земля вечна и неизменна. Сейчас было не так. Сейчас менялась земля, и крохотные существа на ней молча сидели и ощущали себя частью огромного мира, позволяющего им быть на нем. Мира, за которым стоят еще миры, и еще, и еще...

Тагаррит покосился на Принца Лианы. В лице аталь читалось даже нечто вроде одобрения. Что ж, и его проняло. Надо отдать должное торкам: принцип достаточности сработал. Ничего лишнего вокруг – только они и бесконечный мир. И минимум хальер. Всего лишь узор, превращающий крепкий ветер в легкое дуновение, приносящие с собой дурманящий запах степного разнотравья.

Когда Тагаррит осознал, что в этот раз Юхнан пренебрег традиционным защитным набором из узоров хальер, практически всегда сопровождавших почти любую значимую фигуру Клевера, то первым позывом было защититься. Наплевав на приличия, требующие доверять хозяину. Чувствовать себя открытым было ... странно. Но он сдержался, равно как и Сандель. За что оба были в полной мере вознаграждены.

Когда первое ощущение незащитности схлынуло, Тагаррит трезво оценил ситуацию, осмотрелся и успокоился. Конечно же, торкский вельможа ранга Юхнана никогда не оставит ни себя ни своих гостей без надлежащей охраны. И она, конечно же, была. Но вокруг. На расстоянии, достаточном, чтобы не мешать ни взглядам, ни чувствам собравшихся халь. И можно было не сомневаться, что за линию этой охраны любому живому (да и неживому, – в мире магии случается всякое) существу проникнуть неимоверно сложно. Так что Непобедимый мог себе позволить роскошь предложить своим гостям маленький кусочек бытия, подхваченный на ходу, в котором можно себя чувствовать просто частью огромного мира. Расслабиться и наплевать на всевозможные правила и требования.

Зато взамен они получали непередаваемое чувство отрешенности от движущегося где-то там мироздания, от которого каждый из них отказался давным-давно в угоду мощи, значимости, власти...

– Я также прошу прощения у хозяина за невнимание, – зол-италь Сандель повернулся к торку, в его глазах продолжало светиться засыпающее солнце. – Это зрелище приносит удовольствие.

Тагаррит едва заметно поджал губы, выражая удивленное восхищение. В закат входил один Принц Лианы, а вышел другой. Мягкие волны степной травы оставили у себя хищника, и на Юхнана смотрел просто Сандель. Вечно юный на-халь, видевший ушедших из своего мира изгнанников, знавший лично строителей Цепи Света, обживавший Клевер шаг за шагом.

Убивавший и защищавший. Творящий и ищущий. Еще не оставивший, как теперь уже знал Тагаррит, в круговерти Огненного Лепестка тех, кто ему дорог.

Квинтэссенция хальер, творческое начало.

Он и сам оставил ветру что-то резкое, злое, напряженное. Что-то, что заставляло смотреть на мир жестче, угловатее. И он так же, как Сандель, был сейчас готов отрешенно и ясно рассматривать проблему, грозящую всему обитаемому Клеверу, за благополучное разрешение которой лично ответственны они трое. То, что нужно.

Тагарриту захотелось уважительно склонить голову перед торком.

Для этого выверенного мазка Юхнану потребовалось немного. Всего лишь ветер и солнце. Закат и трава. Небо и волны. Свет и вечер. И уходящая в будущее даль...

– Итак, – Непобедимый счел, что пора переходить к делу. – Вопрос у нас один: считаем ли мы, что люди смогут использовать полученную у Цепи Света информацию для разрушения Двери?

– Я предпочел бы другую постановку вопроса, – ответ далекого солнца в глазах Принца Лианы начал меркнуть, уступая место обычной жесткой сосредоточенности. – Сколько у нас есть времени до того, как люди смогут использовать полученную информацию для разрушения Двери?

– Не слишком ли..., – захотел не согласиться Тагаррит, но Сандель не дал ему продолжить.

– Не слишком. И вы, уважаемые, – короткий кивок в сторону собравшихся, – на самом деле полностью разделяете мою точку зрения. А все возможные возражения – это всего лишь просчет вариантов, при которых не придется предпринимать ничего неприятного. Нет так ли?

Холодная змеиная усмешка скользнула по губам аталь, и Тагаррит нахмурился. Не от тона Принца Лианы, а оттого, что он, как обычно, в своей жестокой и циничной манере, к которой возвращался всякий раз, когда речь заходила о людях, оказался прав. Любой тезис, имеющий отношение к текущей ситуации заканчивался одинаково: люди будут ломать Дверь. Или, как минимум, попытаются получить контроль над механизмом открывания. На этом месте Тагаррит тяжело вздохнул: Сандель прав – надо быть честным с самим собой. У Двери нет механизма. Ее или открывают или нет. И, открыв Дверь, люди неизбежно пустят в Клевер то, от чего бежали предки всех Старших Рас. А значит...

Судя по неодобрительно поджатым губам Юхнана, его мысли текли в аналогичном направлении.

– Сараси Сандель прав, – кивнул торк. – Мы действительно ищем варианты, которые позволят нам обойтись без ненужного кровопролития. И не только из врожденной деликатности, – он позволил себе легкую усмешку, – но и потому, что люди не показали себя легкой добычей.

Змеиная усмешка сбежала с губ Санделя и перетекла в глаза, по пути потеряв остатки добродушия. Глемм вздохнул: напоминать аталь о патовой ситуации, в которой оказались два Лепестка, Зеленый и Огненный, после недавней войны, вряд ли стоило. Хотя... Юхнан тоже не вчера родился, а искусство ведения беседы торкам далеко не чуждо. И уж если он сознательно задевает Принца Лианы, то для чего-то ему это нужно.

Вот только время разговоров ушло вместе с группой человеческих магов, выпотрошивших одно из звеньев Цепи Света.

Тагаррит подался чуть вперед: подумать только какие мы все тонкие и искусные риторы. Раньше надо было упражняться. А сейчас нить беседы пора было брать в свои руки.

– Уважаемые, а не задуматься ли нам о практике, – прервал он начинающуюся пикировку.

Сандель метнул в его сторону раздраженный взгляд, но к его чести, этим и ограничился.

– Информация, полученная Красным Замком, – тон аталь стал деловым, – вне сомнения уже передана в Огненный Лепесток, поэтому теперь, на мой взгляд, мы имеем дело с двумя

источниками опасности: собственно сама Земля и человеческие маги Пестика. Таким образом, мое предложение по-прежнему варьируется от массированного вторжения до локального применения силы. Но результат должен быть один – эту заразу нужно выжечь.

Ни для кого в обитаемом Клевере не являлась тайной животная ненависть, испытываемая Принцем Лианы к людям. И сейчас он был как никогда близок к исполнению своей заветной мечты – уничтожению ненавидимых им организмов, по недомыслию Несуществующих наделенных зачатками разума.

– К сожалению, – Юхнан поднял бокал с прохладительным напитком и задумчиво повертел его в руках. – Следуя данной логике, а я полностью согласен с видением сараси Санделя, – бокал в руках торка чуть качнулся в сторону аталь, – мы можем с высокой долей вероятности предположить, что эта пресловутая информация стала достоянием не только человеческих магов, но и еще достаточно широкого круга лиц.

Он сделал движение бокалом, предвзяв возражения.

– Достаточно вспомнить, что ряд участников той экспедиции, являясь членами Братства Магов Земли, в то же время живут в так называемом Улитарте – Городе Безумных Магов, как они же сами его и прозвали.

Он посмотрел на озадачившихся собеседников.

– И при всем моем уважении к этой организации, я имею в виду Братство, я ни на секунду не допускаю мысли, что им удалось сохранить в секрете все подробности произошедшего. А это значит....

– Это значит, что по прошествии времени, сейчас уже совершенно неважно какого, эта информация станет доступна любому сумасшедшему, который захочет воспользоваться ей, – закончил за торка Тагаррит.

– Увы, – чуть склонил голову Юхнан. – Таким образом, проблема вышла далеко за пределы Пестика и Огненного Лепестка.

Вельможи понимающе переглянулись. Из всех Лепестков Клевера только аталь могли похвастаться спокойным, на века запрограммированным процессом передачи верховной власти от одного правителя к другому, помноженную на наибольшую во всем Клевере продолжительность биологического существования индивидуума. Хотя, и у них случались эксцессы.

Уже у Танатоглемма, правителя Серого Лепестка, количество проблем, связанных с «нелицензированными», скажем так, претендентами на трон Танатов, увеличивалось на порядок. А про торков и говорить не приходилось. Единственным неизменным на протяжении веков органом в государственности кочевников оставалась Шаманерия, живущая по своим законам и никогда со светской властью не пересекавшаяся.

Поэтому, если начать считать желающих, которые могут захотеть использовать козырь Двери в переговорах с оппонентами, а про тривиальных сумасшедших и генетических бунтарей можно даже не упоминать, то со счета собьешься на второй минуте.

Принц Лианы также понял все с полуслова, и в повисшей тишине отчетливо послышался скрип белоснежных зубов аталь.

– Ситуация вышла из-под контроля. И все из-за этих животных.

Тагаррит нахмурился. Еще в самом начале, когда Танатоглемм ставил перед ним задачу, ириглемм заикнулся, было о том, что ненависть Принца Лианы к людям превратилась уже в нечто самодовлеющее, и может помешать ему трезво оценивать ситуацию. Тогда Танатоглемм не захотел слышать возражений. Сейчас же и Тагарриту и Юхнану пришлось столкнуться с этой проблемой воочию.

– Не снимая ответственности с людей за содеянное, – негромко прокомментировал изливающуюся ненависть Тагаррит, – все же я хотел бы еще раз заметить, что наши задачи несколько расширились.

– Или наоборот – сузились, – неожиданно повернулся к глемму Юхнан.

Принц Лианы промолчал, переводя взгляд с одного собеседника на другого.

– Поскольку на сегодняшний день отследить каждого носителя информации не представляется возможным, – теперь торк смотрел на Санделя. – То я предлагаю подходить к решению данного вопроса с другой стороны.

– Со стороны основного объекта, – удовлетворенно кивнул аталь, понявший суть предложения.

– Именно, – подтвердил Юхнан.

– Я тоже полагаю такой подход наиболее разумным, – присоединился к общему мнению Тагаррит. – Ни один из тех, у кого хватит, вернее, не хватит ума попытаться открыть Дверь, не сможет пройти мимо Цепи Света.

На минуту повисло молчание. Вельможи обдумывали новое видение проблемы.

– С одной стороны, Цепь Света и так достаточно хорошо защищена, – проговорил Сандель. Он сделал паузу, чтобы дать возможность высказаться Юхнану с Тагарритом, но они промолчали. Напоминать о случившемся не было необходимости. Принц Лианы не страдает отсутствием памяти, а, значит, у него есть дополнительные соображения.

Не дождавшись комментариев, Сандель продолжил.

– Но раз кто-то хотя бы один раз смог пройти эту защиту, то это означает, что она нуждается в дополнительном усилении.

И взглядом передал слово торку. Тот развел руками:

– Поскольку моя информация о хальер-составляющей данной защиты крайне скудна, – Юхнан в свою очередь выразительно посмотрел на Принца Лианы, но тот не отреагировал никак, – единственное, что на первый взгляд приходит в голову – это физическое присутствие специально подготовленных групп в районах, прилегающих к каждому звену. Задача – выявление и, по возможности, уничтожение потенциальных нарушителей.

Сандель сделал рукой знак, означающей его полное согласие с прозвучавшим предложением.

– А требуется ли составление узоров хальер, дополняющих уже существующие, – Юхнан сделал приглашающий жест в сторону аталь, – это уже вопрос к вам, сараси Сандель.

– После проведения более глубоких исследований я дам необходимые рекомендации, – нейтрально отозвался Принц Лианы.

– А почему бы просто не завалить входы в звенья Цепи, осложнив задачу потенциальным нарушителям? – неожиданно поинтересовался молчавший все это время Тагаррит.

– Нет, – так же ровно отозвался Сандель. – Свободный доступ внутрь курганов является непременным технологическим условием функционирования Цепи.

– То есть? – не понял Тагаррит. – Вы хотите сказать, что для разрушения самой Цепи Света не требуется никаких усилий со стороны халь? Достаточно просто засыпать землей относительно небольшое отверстие, и дело сделано? – он демонстративно развел руки в стороны. – Тогда для чего мы тут все собираемся и размышляем о хальер-составляющей проблемы?

– Отдельно о хальер-составляющей мы как раз и не думаем, – усмехнулся Юхнан. – Мы рассматриваем весь процесс в целом. Но я разделяю непонимание сараси Тагаррита, – торк посмотрел на Принца Лианы. – Какое отношение к функционированию узора имеет наличие свободного доступа к нему?

– Прошу прощения, я неверно выразился, – все тем же ровным голосом поправился золиталь Сандель. – Свободный доступ нужен для функционирования Проводника.

– Который не сработал, – остро глянул на аталь Юхнан.

Насколько Тагаррит мог разобрать выражение лица Санделя, будь Юхнан аталь, не миновать ему взбучки, но с торком Принц Лианы сдержался.

– Не сработал, – подтвердил он. – И это и есть те самые дополнительные исследования, о которых я говорил. Нам необходимо выяснить, что произошло и...

Он замолчал.

– И? – подтолкнул его Юхнан.

– И в этом случае, – взгляд Санделя стал пронзительным, – я боюсь, что нам все-таки придется принимать те самые не очень приятные решения.

Глава 2

– А непривычно, – Кашей повертел головой, как будто ему жал воротник. – Ей Богу, как голый.

– Мало того, что голый, так еще и недееспособный, – проворчал шагающий рядом Шаман, из последних сил пытающийся балагурить. – Ходишь, как дурак, а у тебя вместо того, что положено, еще и болтается... вот это.

До могильника оставлось не так уж и много, лишаящий воли магический фон, в незапамятные времена поставленный на охрану Цепи Света, чувствовался все сильнее, и поэтому на магах с самого утра красовались *демаги** – амулеты, блокирующие магию. Продукты высоких мыслей мастеров Улитарта, Города Безумных Магов, университета Братства Магов Земли. Штуки, иногда оказывающиеся очень полезными. Закрывающие мага от любого воздействия извне, ... и попутно отравляющие жизнь и превращающие бытие в некое подобие овсянки, сваренной на воде без соли и сахара. Переход по Территориям и сам по себе не являлся радостным событием, а уж для мага, лишенного своих способностей, так и вовсе тоска. К полноценной жизни почти постоянных обитателей Территорий, вольдов, из бредущих вокруг представителей Братства Магов Земли* более менее был приспособлен только гемар* Братьев Находящих* Тооргандо, которому по роду беспокойной службы приходилось отмахивать приличные расстояния по горам, окружающим Странный Город*. Ну, еще его напарник немногословный Пелоц, которого он решил в этот раз взять с собой. А вот остальным участникам «Второй попытки» земных магов разобраться с наследием древних аталь – Шаману, Кашею и Демчи приходилось туго. Даром что магистр Школы Разума Кашей с Распорядителем Города Безумных Магов Шаманом были в числе той самой легендарной, первой экспедиции.

– И как вы в прошлый раз выдерживали? – поинтересовался страдающий Демчи, щуплый мастер Вариантов.

– В прошлый раз как-то не до того было, – хмыкнул Кашей, ... и со всей силы вцепился в спину замершего Шамана, шедшего впереди.

– Что...?

– Ш-ш-ш, тихо, – Шаман, не оглядываясь, махнул рукой за спину.

Маги присели. Кашей на корточках, изо всех сил стараясь не шуметь, гусиным шагом начал обходить Шамана, чтобы посмотреть, что там впереди. Лучше бы он во весь рост ходил, все больше толку было бы. На оглушительные в наступившей тишине хруст и треск обернулся присевший недалеко Теренс, Старший вольдовской Команды, в этот раз сопровождавший магов Братства, и по совместительству близкий друг Мастера Ацекато. Если бы взглядом можно было убивать, Кашея бы на молекулы разметало. Жутко смутившись, Кашей построил извиняющуюся физиономию и ... двинулся обратно с той же грацией. Теренс разве что не задыхался. Внезапно Кашей почувствовал, что дышать стало трудно.

– Замри, тудыть тебя в дупло к Твари*, – длинная рука Шамана сжалась на шее мага. Полузадушенный Кашей кивнул и, наконец, затих, неудобно скорчившись рядом с Распорядителем.

Ждали.

Из-за дерева, растущего прямо на тропе, медленно-медленно, пятясь, выдвинулся Ольми, аталь-разведчик Команды. Шаман напрягся. Он, конечно, не знал Команду так, как тот же Мастер Ацекато, но то, что Ольми никогда до этого ТАК не двигался, было заметно сразу. Всегда невозмутимый и до хруста вежливый аталь в любой ситуации сохранял сдержанное достоинство и даже убежал всегда, когда приходилось, с некоей чопорностью, граничащей с аристократизмом. Но сейчас из-за дерева появился очень сильно испуганный человек. Атал в смысле, но от этого становилось только страшнее. Шаман присмотрелся: справа в траве пере-

мещался какой-то бугор. Да что происходит? Рядом с Ольми вспахивал носом землю Тронд, второй глемм в Команде.

Ольми, всё так же пятясь, медленно показал руками: «все назад». Маги и вольды начали отползать. Когда Теренс счел расстояние достаточным, он поднялся на ноги.

– Что случилось? – первым не выдержал все тот же Кашей, но вопрос вертелся на языке у всех.

Вместо ответа Теренс посмотрел на Ольми. Атадь, вернувшись к своей аристократичной манере, молча вытянул руку вверх, показывая на что-то на ближайшем дереве. Все задрали головы. Вверху, на высоте где-то двух человеческих ростов на дереве красовался аккуратный желоб. Не очень большой, но очень чисто прорезанный. Демчи посмотрел на помертвевшее лицо второго атадь в Команде, Сонди, и негромко поинтересовался:

– И что это?

Ольми повернулся в другую сторону и опять поднял руку. Еще на одном дереве красовался точно такой же желоб. И еще на одном, и еще, и еще.... Лес, как комок сахарной ваты, будто проткнули несколько раз в разных направлениях раскаленной спицей.

Тооргандо задышал, как будто ему не хватало воздуха. Григор, мечник, единственный человек у Теренса, провел рукой по лицу сверху вниз. Тронд скомкал в кулаке бороду.

– Что? – нахмурился Шаман.

Теренс негромко откашлялся.

– Если бы на нас не было демагов, я бы сказал про морок..., – глемм смотрел на Ольми. – Иначе ничем не объяснить, что мы ее проглядели.

Атадь, диво дивное, выглядел виноватым.

– Что? – с нажимом повторил Шаман.

– Это паутина, – ровным тоном объявил Теренс.

– Не понял, – моргнул Шаман.

– «Паутина», – пояснил глемм, и повторился, выделяя голосом. – «Паутина», та самая, от «Паука».

Шамана качнуло. Кашей сторбился, Тооргандо переглянулся с Пелоцем, и только Демчи оказался не до конца информированным.

– И что? – со спокойствием, граничащим на общем фоне с издевкой, поинтересовался он. – Чем нам это грозит?

– Уже ничем, – не удержавшись, фыркнул Тооргандо и несильно хлопнул Демчи по плечу. – Уже все, отгрозило. Ты перед выходом завещание составил?

– Нет, – непонимающе покосился на него тот.

– Напрасно, – вздохнул гемар. – А теперь уже поздно.

– В смысле?

– В прямом, – прервал похоронную иронию Теренс. – Краткая справка: Тварь «Паук» является единственным безусловно враждебным объектом для всех обитателей Территорий. Остальные Твари ее попросту боятся. Концентрированная хальер. Если и есть другие поражающие факторы, то про них информации нет, так как попросту никто не подходил к Пауку достаточно близко и остался после этого в живых. Паук не охотится в том смысле, в котором это делают остальные Твари. Жертвы просто исчезают, причем после них не остается даже фона хальер. Паук вычищает все. Как недавно выяснили уважаемые маги, – Теренс слегка поклонился в сторону Шамана, – хальер Паука родственна хальер Цепи Света, что несколько объясняет парализующий эффект паутины.

– Так, может, нас вчера не могильником накрыло, а Пауком? – оживился Кашей, несмотря на серьезность момента.

– Вряд ли, – не разделил его энтузиазма Теренс. – Если бы мы попали под Паутину, то утро бы для нас так и не началось. Хотя в плане теории – вполне возможно. Не исключено, что демаги окажут какое-то воздействие.

– У того тиххина, который в прошлый раз встретил нас возле могильника, – задумчиво проговорил Шаман, – на броне был кусок Паутины, если я не ошибаюсь. Получается, они сражались?

– Не думаю, – качнул головой глемм, – скорее тиххину просто удалось уйти. С потерями. С тиххином сражались и вы и мы, – он показал на Команду. – Все живы. А единственный известный случай победы над Пауком – это Мастер Ацекато, если кто помнит.

Вольды заулыбались. Про Мастера Ацекато помнили все.

– Хотя, – Теренс вздохнул, – ваш случай победы над тиххином – второй известный. Первый – наш.

– А с Мастером вообще отдельная история, – подал голос Григор. – Паук, тиххин, лапинаэир. За ним много чего числится.

– Ну, тогда возле могильника мы тиххина не победили, если честно, – откашлялся Шаман. – Мы скорее, как вы выразились, просто смогли уйти. С потерями.

Он многозначительно потер шею.

– Не суть, – вступил Тронд. – Сейчас надо думать, что делать здесь.

– Я полагаю ничего, – невозмутимо отреагировал Теренс, рассматривая желоб. – Мы стоим прямо посередине Паутины.

Он посмотрел на остальных и пояснил.

– Сама Паутина, насколько я могу судить – ничто иное, как материализованные линии хальер. Они невидимы, но почти материальны. Именно поэтому остаются следы.

– На деревьях? – тут же заинтересовался Кашей.

Магистр Разума был достойным представителем Улитарта: страсть к исследованиям из обитателей Города Безумных Магов не вытравлялась ничем.

– Не только, – отозвался Теренс. – Она просто пока еще высоко висит, поэтому мы можем видеть ее только на деревьях. Но он ее опускает. Так что через некоторое время под нее попадет весь участок, и Паук будет знать все, что здесь творится.

– И что нам теперь делать? – вот теперь в голосе Демчи не было и намек на беззаботность.

– Все то же, – немного грустно улыбнулся глемм. – То есть ничего. Где Паук – неизвестно, что он собирается делать – тоже. Представляем ли мы для него хоть какую-то ценность – неизвестно.

– Так что, будем сидеть и ждать, пока он до нас доберется?

– Зачем? – грусти в улыбке стало меньше. – Нам уже все равно, а при отсутствии информации, лучше продолжать свое дело. Глядишь, что-нибудь да вырастет.

– То есть мы продолжаем идти? – уточнил Шаман.

– Именно, – согласился Теренс. – Больше нам ничего не остается, я только попрошу всех не прикасаться, насколько возможно, к линиям паутины.

Густая шапка листвы с неохотой пропускала прямые лучи зеленоватого солнца Пестика, даже стоящего в зените. Полумрак и духота. Замерший лес. Ни души. Ни тваренка вокруг. Давящая тишина и ожидание. Ожидание.... Единственные звуки – хруст и ругань сзади, где Кашей в очередной раз не посмотрел под ноги. Это было бы весело, если бы не было так страшно.

– Дохлые твари, – от души выругался Тооргандо, весь изведясь в напряжении. – Уже бы выпрыгнул что ли. Все не вешаться тут в ожидании.

– Действительно, странно, – Теренс шел, медленно осматриваясь. – Похоже, кроме нас тут никого нет. И ничего. Ему что добыча не нужна? Или он нас не заметил до сих пор?

Сзади раздалась приглушенная ругань, Кащей нашел еще одну палку.

– Линии частые, – негромко заметил подошедший Шаман. – Уж парочку мы точно пересекли.

– Я тоже так думаю, – согласился глемм. – Тогда почему?

– Два варианта, – Демчи тоже решил принять участие в разговоре. – Либо у него есть добыча поинтереснее, либо...

– Либо? – рассеянно поинтересовался Шаман, узрев что-то на вершине одного из деревьев.

В ответ Демчи выразительно потербил колбочку демага.

– Ты хочешь сказать, что демаг закрывает нас в том числе и от Паутины? А что, это мысль, – Теренс даже остановился. – Проверим?

– Как? – Шаман решил, что беседа все-таки интересней.

– Снимем демаг и посмотрим, что будет, – пожал плечами Демчи.

– Ты снимешь? – в упор посмотрел на него Шаман.

– Сниму, – кивнул Демчи.

– Привал, – негромко объявил Теренс и повернулся к беседующим магам. – Подождите немного. Расположимся, потом начнем.

– А чего ждать-то? – не понял Демчи, но разговоривал он уже с удаляющейся спиной.

Через несколько минут он таким же непонимающим взглядом обвел вольдов, занимающих круговую оборону.

– Это зачем?

– Затем, – Теренс смотрел на него с ироничной улыбкой, – что Шаман в свое время дал обитателям Улитарга очень точную оценку: вам бы только изучать. Применять и отвечать за результат – это не про вас.

В ответ Демчи набычился и уже хотел буркнуть что-нибудь неподобающее, но Теренс не дал.

– Если рассматривать твою мысль о нашей незаметности, как верную, то что у нас будет следующим действием? – не замечая нахмуренных бровей, поинтересовался он.

Где-то сбоку фыркнул Шаман, но ничего не сказал.

– Мы попадем под действие узора и отключимся, – Демчи решил не обращать внимания на издевку.

– Хм, спасибо, – неожиданно посерьезнел глемм. – В этом аспекте я как-то не задумывался. Действительно сходится. Эффект должен быть схож с могильником. Тем более что их природа, как вы заявляете, идентична.

– Вот..., – начал воодушевленный Демчи, но развернуться ему не дали.

– Я хотел подготовиться к другому, – поднял руку Теренс, отменяя обсуждение. – Повторяю, если мы на данный момент для Паука невидимы, то, сняв демаг...

– Мы становимся видимы, – очень логично вступил в разговор освободившийся, наконец, от всех налипших веток, листьев и прочей лесной шелухи Кащей. – И нас приходят кушать.

– Что-то мне уже не очень хочется проводить данный эксперимент, – поежился Шаман. – Или, гла-Теренс, у вас есть какое-то другое видение?

– И да, и нет, – глемм обвел взглядом приготовившихся к бою вольдов. – С одной стороны, драться с Пауком очень не хочется, а с другой, – он сделал небольшую паузу, – когда еще получится проверить, а действительно ли демаг может закрыть от Паука? Представляете, сколько проблем можно будет решить?

Маги представили.

– Ну, тогда я пошел, – тут же воодушевился Демчи.

– Куда? – перехватил его Теренс и посмотрел на Шамана, всем своим видом показывая: «действительно, сумасшедшие они у тебя»

Шаман с улыбкой развел руками.

– А что? – не понял Демчи.

– Вытаскивать тебя кто будет? – Шаман не стал дожидаться выволочки от Теренса и взял управление в свои руки. Чуть повернув голову, он бросил через плечо: – Тор.

– Здесь, – одновременно подались в перед гемар Находящих Тооргандо и торк Тор.

Шаман со свистом выпустил сквозь зубы непонятно кому адресованное проклятье.

– Дохлые Твари, весь выход путаться будем. Который гемар, – преувеличенно спокойно пояснил он.

– Лучше, который торк, – остановил Тооргандо Теренс. – После того, как Демчи снимет амулет, мы немедленно уходим. Еще не хватало Паука дожидаться. Страхующему придется некоторое время нести Демчи на себе. А Тор, при всем моем уважении к Братьям Находящим, все же чуть более подготовлен.

Тооргандо поднял ладони, показывая, что все нормально.

– Тогда уж лучше я, – негромко прогудел Тронд.

Теренс смерил его взглядом.

– Пожалуй. Тор пригодится на ходу, – он обвел взглядом Команду. – Все. Решили. Приготовиться.

Вольды и маги рассредоточились по небольшой полянке, в центре которой остались лишь Демчи и Тронд.

– Начали, – скомандовал Теренс.

Демчи аккуратно снял с шеи демаг, подержал его перед лицом, все еще оставаясь в поле действия магиприпаса, и резко бросил его стоящему в паре шагов глемму.

И почти сразу сложился сломанной куклой.

– Тронд! – хлестнул приказом Теренс.

Тронд бросился вперед, одним движением набросил демаг обратно на шею неподвижному Демчи, засунул колбочку поглубже под одежду и подхватил безвольное тело мага на плечо.

– Вперед! – Теренс, стоя на краю полянки, напряженно всматривался в окружающий лес, пропуская рванувшихся с места вольдов.

Его напряжение предалось всем. Команда начала очень резво. Через несколько минут эмоции схлынули, но глемм не дал снизить темп.

– Бегом, бегом!

Теперь уже полностью осознавая реальность, войдя в привычную колею, вольды низким наметом заскользили по лесу.

Минут через десять, когда стало ясно, что окружающий мир изменений не претерпел, Теренс смилостивился.

– Походный шаг.

– И мен-ня уж-же мож-жно от-пус-тить, – проклацал зубами болтающийся на плече у Тронда Демчи.

– Идти сможешь? – не сбавляя темпа, поинтересовался Теренс.

– Бол-тать-ся точ-но боль-ше н-не с-мо-гу, – пожаловался Демчи.

– Ставь, – скомандовал Теренс. И тут же безжалостно погнал всех дальше. – Ходу, ходу. Что уставились? Балаган в баронствах будет. Григор, помоги.

Григор тут же подхватил неуверенно стоящего на ногах Демчи с правого бока, Тронд остался слева, и Команда двинулась дальше.

– Рассказывай, – потребовал Шаман, когда Теренс, наконец, счел, что они все-таки ушли незамеченными. Или невкусными, не суть. Главное, что счел и объявил привал.

К тому моменту на ногах уверенно держались только сам Теренс, Ольми и, как ни странно, Шаман. Вольды с удивленным уважением поглядывали на Распорядителя, невозмутимо мерявшего длинными ногами покрытую опавшими листьями землю Территорий, а тому, казалось, все нипочем. И когда Теренс объявил привал, он, в отличие от матерых вольдов (про магов и говорить не приходится), не свалился, давая отдых гудящим ногам, а пошел осматривать окрестности и ставить сторожевики. Даже Тронд уважительно поджал губы. Что ж, еще один штрих к портрету Распорядителя Странного Города.

Вернувшись, он безжалостно поманил рукой зеленоватого от всех этих приключений Демчи и потребовал:

– Рассказывай.

Вольды тут же расселись вокруг.

– Страшно, – поежился Демчи. – Не передать словами, но полное ощущение, что ты как муха в меду. Не двинуться, не вздохнуть, и четко понимаешь, что все, приплыл, ты уже себе не принадлежишь. Ты уже его. Как вещь. Вкусная, наверное. И сейчас тебя будут есть. Но не здесь.

– А где? – поинтересовался Теренс.

– Не знаю, – передернул плечами Демчи, но все же нашел в себе силы пошутить. – Он мне как-то забыл сказать. Всю дорогу собирался, а потом забыл. Вот паразит.

– Подробнее, – потребовал Кащей.

– Сами, Ваше Магичество, попробуйте, а потом будете подробнее рассказывать, – огрызнулся вдруг Демчи.

– Ты это, зубы будешь в другом месте показывать, – одернул его Шаман. – Сам вызвался, теперь доделывай до конца. Кто знает, что через десять минут может случиться, а информация, считай, бесценная, во второй раз такое проверить вряд ли получится. Донести мы ее просто обязаны. Так что давай, выкладывай, что там тебе привиделось.

– Нехорошее привиделось, – пристыжено вздохнул после некоторой паузы Демчи. – Там впереди что-то было, и я туда шел. Сам шел, никто не подталкивал. Не хочу идти, а иду.

– В холмы? – Шаман переглянулся с Тооргандо.

– Не было там никаких холмов, – помотал головой Демчи. – Что-то темное, а что, не успел разглядеть, меня уже выдернули.

– Опиши, как выходил, – попросил Кащей.

– Свет погас, – развел руками Демчи. – А тот мед вокруг, как стек куда-то. Сразу стало легче, и идти никуда не надо. А потом темно, и все. Глаза открываю – Тронд.

– Он двигался пока лежал? – обвел взглядом вольдов Шаман.

– Нет, – за всех ответил Тор.

– Угу, – что-то пометил для себя Кащей.

– Так, – наморщил лоб Шаман. – Значит,

– Внимание! – из-за ближайшего дерева появился Сонди. – Слушайте.

Вольды встрепенулись, прислушиваясь к окружающему миру. Поначалу ничего особенного в лесу не происходило. А потом, на грани восприятия, тонким комариным звоном в сознание начало проникать тончайшее потрескивание. Оно росло, ширилось. Становилось громче, странным образом не вытесняя все остальные звуки, а обволакивая их, выставляя на передний план, и тем самым, подчеркивая свою всеобъемлимость.

– Нет, – неверяще замотал головой Кащей. – Только не это. Еще один?! Опять?!

Вольды напряглись. Каждый из них, маги не исключение, уже знал, что означает это потрескивание. Кроме Демчи.

– Может кто-нибудь объяснит, что происходит? – сварливо поинтересовался он, переводя взгляд с одного на другого.

– Тебе, друг мой, невыразимо повезло, – комментарии опять пришли от Тооргандо, который не смог выдержать драматичный тон, даже в этой ситуации. – Ты являешься свидетелем невероятной удачи....

– Не надо стараться быть Шатуном, – сварливо перебил его Демчи. – Мне и его-то за глаза и за уши хватало, а у тебя еще и не получается.

– Получится, – посуловел Тооргандо. – Вот с тиххином разберемся, и получится.

– Так это тиххин? – почти обрадовался Демчи. – Тот самый?

– Вряд ли тот самый, – пробормотал себе под нос вглядывающийся в лесной сумрак Шаман. – От того только чешуя в Улитарте и Красном Замке осталась. Но нам и другого хватит. Как ты говоришь, за глаза и за уши.

– А другой добычи вокруг нет, – констатировал Теренс. – Ну что, уважаемые, будем драться?

– Может, и не придется драться, – неожиданно подал голос Кащей. – В тот раз тиххин нас не увидел. Паук сейчас тоже. Посмотрим, увидит ли нас этот.

– А меня вот что интересует, – задавая вопрос, Тооргандо не забывал проверять снаряжение и ревизовать содержимое сумки с амулетами, – почему возле могильников всегда встречаются тиххины? Тем более что, как мы решили, их магия враждебна друг другу.

– Во-первых, – Шаман закончил свои сборы, поднялся и закинул свой мешок на плечо, – использовать вместе термины «тиххины», «могильники» и «всегда» в данном случае не очень корректно, поскольку мы всего лишь второй раз идем к могильнику, до него еще идти и идти, а тиххина можно встретить не только здесь.

– Это не совсем так, – негромко поправил его Теренс. – На самом деле тиххин – Тварь довольно редкая. Многие вольды за всю свою жизнь не сталкиваются с ним ни разу. Я, например, тоже вижу его только во второй раз. И это не является нормой. Скорее исключение. Так что вопрос гемара как минимум уместен. И еще....

– Вот он, – резким шепотом прорезал разговор Ольми. Вольды замерли.

Вдалеке, на самом краю видимости, балансируя на грани реальности, между заросшими мхом деревьями неспешно струилась огромная серебристая лента. Мимо.

– Не видит, – не шевеля губами, выдохнул Кащей.

Судя по лицу Шамана, ему очень захотелось вклеить болтуну подзатыльник, но нарушать неподвижность картины он не рискнул. Прошло еще несколько секунд. Серебристая лента продолжала свое неспешное течение. И вдруг замерла.

– Убью, – одними губами прошептал Шаман.

– Может, не к нам, – так же тихо попытался оправдаться Кащей.

Тиххин заскользил снова. Уже в сторону вольдов.

– Дебил! – если бы Шаман стоял рядом, не сносить Кащейю головы, но того спас Теренс.

– Вперед! Бегом!

Резкая команда сорвала всех с места. Вспугнутыми пичугами вольды понеслись, петляя между стволами. Но тиххин все равно был быстрее. Огромная змея приближалась, уже не разбирая дороги. Молодые деревца, хрустя, ложились под бронированное брюхо.

– Веером! – надсаживаясь, заорал Теренс.

Вольды порскнули в разные стороны....

Нереально тонкий и чистый звук, заполнивший лес, на всем ходу остановил бегство. Неведомый музыкант взял высокую ноту, и держал ее, выдавливая из головы все, что не совмещалось с этим звуком. Вольды покатались по земле. Каждый как будто на полном ходу влетел в болото. Мир перестал быть объемным. Теперь в нем существовал только этот звук, широкими мазками закрашивающий неподвижную картинку плоского леса. С огромным трудом Шаман повернул голову. И удивленно моргнул, преодолевая завораживающий своей красотой морок. Тиххин тоже остановился. Но не замер. Огромная змея перестала скользить по земле. Сейчас

на месте серебристой ленты начала расти башня. Змей поднимал голову, высматривая источник звука. И, судя по угрожающе раскачивающейся голове, этот источник ему не нравился.

Нота не ослабевала, и Шаман только и нашел в себе сил, чтобы еще раз моргнуть. Что же, враг моего врага – мой друг.

Наверное...

Злобный змеиный шип разорвал наваждение. Тиххин заскользил в обратную сторону.

– А-а-а-а, – Кашей сидел на земле, держась руками за голову. Из ушей бежали две струйки крови. Тут еще надо до конца прояснить, кто чей враг и кто чей друг.

– Теренс, – позвал Шаман, бросаясь на помощь. Вернее, хотел броситься. Сам бросок получился, а все остальное – нет. Тело рванулось вперед, а ноги и руки не стали помогать. Распорядитель Странного Города вытянулся во всю немаленькую длину и со всего размаха приложился о землю.

– Х-хг-г-а-а, – вместо ругательств из горла вылетел только какой-то хрип.

Вокруг творилось то же самое. Вольды катались по земле. Каждому досталось свое. Теренс держался руками за горло – не хватало воздуха. Сонди сложился пополам – его рвало. Григор замер, скрючившись под каким-то кустом – по телу пробежали короткие судороги. Что с остальными Шаман не видел, но, судя по звукам – ничего хорошего. Несколько минут прошло в бесплодных попытках вернуть контроль над парализованными конечностями, и, наконец, болезненное покалывание возвестило, что еще не все потеряно. Шаман даже обрадовался этой боли. Оказалось рано. Покалывание усилилось, превратилось в зуд, в резь, в жжение. Шаман пока мог, терпел, но долго он не выдержал. Ослепительная вспышка, фонтан искр, и сознание погасло.

– Ну и куда нас несет? – Демчи не переставал зудеть с того момента, как отошел от удара звуком. Его уже проклинали все, и не по разу, но он не останавливался. – Мало нам тиххина, так мы еще и премся смотреть, кто этого самого тиххина бить собирался. И это при том, что никто на ногах толком стоять не может.

Резон в его словах был. К названию Команда сейчас можно было смело добавлять «инвалидная». От прежней упругой рысцы, которой вольды преодолевали один переход за другим, не осталось и следа. Та чистая нота даром не прошла ни для кого. Без слез на передвигающихся по лесу магов и вольдов смотреть было нельзя. Хромающий на обе ноги Ольми тащил бледно-зеленого Тора, обхватив его за талию. Хрипящий Тронд почти волоком тянул с трудом стоящего на ногах Григора. Сонди шел сам, как и Демчи, но качались они так, что их периодически бросались подхватывать все окружающие «страдальцы». Тооргандо с Пелоцем, обхватив друг друга за плечи (не падали они, видимо, только из-за этого), двигались вперед исключительно по синусоиде. Возглавляли этот парад калек Кашей с Шаманом. Эти шли по прямой, но домиком, подпирая друг друга. И только семижильный Теренс, казалось, отошел от атаки за несколько минут. Теперь он шел впереди дозором, что было несложно, учитывая скорость, с которой передвигались остальные.

Полчаса назад, избавившись от тиххина и встав на нетвердые ноги, Теренс первым делом привел в сознание Шамана. Коротко с ним переговорив и убедившись, что произнесенные слова не стали для окосевшего мага пустым звуком, глемм без всякого усилия поднял дылду Шамана на ноги, придержал, чтобы не заваливался, и зычно (откуда силы после такого приключения?) гаркнул:

– Подъем! Идем за тиххином! Пока можно, надо смотреть, что происходит.

Даже сквозь дурноту, владевшую всеми без исключения, в каждую раскалывающуюся голову тут же пробралась четкая мысль: «А Теренса-то приложило нешуточно. Беда со Старшим». И в самом деле: собираться немедленно куда-то идти мог только сумасшедший.

Но оказалось, что мозгом приложило не только Старшего Команды. Шаман прочистил непослушное горло и писклявым фальцетом, перемежающимся с хрипящим бульканьем, подтвердил диагноз:

– Выдвигаемся немедленно. Это приказ. Все встали и пошли!

И подал пример, повернувшись и поковыляв куда-то в лес по четкому следу из поваленных деревьев, оставшемуся за Тварью. Варианты кончились.

Демчи, как и все, приказу подчинился, шипя и матерясь. Но молчать приказа не было, а у Шамана, судя по всему, сил не осталось на то, чтобы развернуться и заткнуть этот поток сознания, выливаемый на и без того исстрадавшиеся головы магов и бойцов. Поэтому все эти полчаса вольды ползли по лесу под аккомпанемент скрипов, брюзжания и недовольства.

– Слыш, родной, – в очередной раз не выдержал Тооргандо. Он попытался, было, подковылять поближе к Демчи, но покинутый Пелоц тут же начал заваливаться, и гемару пришлось ограничиться вербальными методами общения. – Вот ты хочешь на меня обижайся, хочешь нет, но если ты не заткнешься, на ближайшем привале я тебя собственными руками придушу.

– А ты сейчас не можешь мне оказать такую услугу? – сварливо огрызнулся Демчи. – А то до ближайшего привала я так и так не дотяну, а мучаться не хочется.

– Дохлую тварь тебе в задницу, а не услугу, – кашлянул Тооргандо.

– А ты лучше попроси Шамана отправить его в головной дозор, – сипло посоветовал сбоку Сонди.

– Тогда на привале мы двоих недосчитаемся, – на ковыляние у Демчи сил не было, а вот на пикировку вполне хватало.

И вот тут Шаман все-таки нашел силы.

– Так, Демчи, – в головной дозор. Тридцать метров впереди, – голос, доносящийся из шаманско-кашеевского «домика», был слабым, но командирские интонации прослеживались четко. – Будешь Тварей распугивать. Тиххин это все затеял, ему первому и расхлебывать.

Демчи булькнул, закашлялся. Все повернулись в его сторону.... И тут движение остановилось.

Потому что смеяться и идти одновременно не получалось.

– Веселитесь? – из окружающих кустов справа выбрался Теренс. Вот кому никакие Твари ни о чем: да прихрамывает, да кривится, но двигается оч-чень даже ничего. И голос бодрый. Все обзавидовались. – Высокий боевой дух – это хорошо. Тем более сейчас.

– Пришли? – раз авангард, похоже, отменяется, к Демчи вернулся голос.

– Пришли, – уже гораздо менее радостно подтвердил Теренс и скомандовал: – Команда, стой! Внимание!

Вольды и маги сгрудились вокруг.

– Там, – глемм ткнул пальцем себе за спину, – тиххин дерется с Пауком.

Он сделал паузу в пару секунд, дожидаясь, пока эта информация отложится в головах. Потом повернулся к Шаману.

– Как мы и предполагали.

Все повернулись в сторону Распорядителя Улитарта.

– Предполагали? – осторожно поинтересовался Тооргандо.

Шаман только отмахнулся. За него продолжил Теренс.

– Мы идем смотреть.

Кольцо вокруг глемма раздалось в стороны. Второй раз за прошедший час всем в голову пришла мысль о том, что Старшего приложило чересчур сильно.

– Маги, – Теренсу было плевать на бесхозно бродящие мысли, – ваша задача, просмотреть все линии, которые сейчас там ломаются.

Шаман кивнул, выказывая свое согласие со словами Старшего, и жестом попросил продолжать.

– Вне зависимости от того, кто там победит, следующей мишенью будем мы. Вольдам воевать против любого из этих, – Теренс качнул головой в сторону кустов, – бесполезно. Поэтому я хочу, чтобы вы увидели хоть какую-нибудь возможность противостоять каждому из них. В конце концов, Мастер Ацекато в свое время уделал и того и другого, так чем мы хуже?

– Тем, что он Мастер Ацекато, а мы..., – развел руками Тооргандо.

– А на хрен тогда ты нужен, если не вырастешь до Мастера? – вступил, наконец, Шаман. – Бегом на исходные позиции.

– Есть, – Тооргандо дотянул скрюченную ладонь до виска и двинулся к кустам. Хромота его странным образом исчезала с каждым шагом. И уже отведя в сторону первую ветку, он обернулся.

– Это я так пошутил, – пояснил он Шаману.

– Я так и понял, – хмыкнул тот. – Двигай, давай.

Осторожно, стараясь не дышать, Шаман выглянул из-под пышной ветки на поляну. Рядом, для разнообразия неслышно, пристроился Кашей. Вокруг устраивались вольды. Маги присмотрелись к происходящему на поляне и замерли...

– Ты в детстве не пытался выяснить, кто сильнее: кит или слон? – углом рта заворожено поинтересовался Шаман.

– Не-а, – так же заворожено отозвался Кашей.

– Вот сейчас заодно и выясним. А что это за хрень, на которой он сидит?

А посмотреть на поляне и вправду было на что. Сама, поляна как таковая, собственно поляной не являлась. Кто-то, или что-то разметало деревья в радиусе метров ста таким образом, что получилась практически ровная по окружности площадка, посреди которой красовалось иссиня-черное яйцо, наполовину вросшее в землю. А на этом «яйце», обхватив его длинными кривоватыми ногами, сидел... паук. Судя по всему, он самый... – Паук.

– А чего он в него вцепился? Может, у него там гнездо? – раздался справа шелест Демчи.

– Дурак ты, Петька, – не отрываясь от происходящего на поляне, так же тихо прокомментировал Кашей, – они же в норах живут.

– В смысле? – не понял Демчи.

– Рты закрыли, – выдохнул Шаман. – Смотрим во все глаза. Кто что-нибудь пропустит – до конца жизни из Улитарта не выпущу.

Угроза действие возымела. Все взгляды вернулись на поляну. Тем временем там разворачивалось действие, могущее быть весьма занимательным, не касайся оно напрямую будущего Команды.

Вокруг вцепившегося в «яйцо» Паука сомкнулась убыстряющая свое движение с каждой секундой серебристая лента – тиххин начал атаку.

Кашей с Шаманом переглянулись: они это уже однажды видели. А Шаман еще и оглянулся назад, осматривая, куда в случае чего придется лететь: он лучше всех присутствующих помнил, чем подобное может закончиться. Еще раз попадать в подобную передрагу желания не было никакого.

– Слушайте, – узнавая, вдруг выдохнул Кашей. – А ведь это яйцо – это... кокон. Темпо-кокон.

– Да что ты? – не отрываясь от разворачивающейся битвы, съязвил Шаман. А я-то думал, это пьедестал почета. Этот туда забрался и никого не пускает.

– Очень смешно, – скривился Кашей. – А откуда тут мог взяться кокон? Это что, он сам его сделал? Тогда почему никто до сего момента ни разу не слышал про подобное?

– Про Паука вообще очень мало что можно услышать, – раздался сзади тихий голос Теренса. – И все, в основном, про способы умерщвления. Вряд ли вам кто-либо может сказать

больше. Никто не знает точно, ни где живут Пауки, ни чем они питаются, ни как они охотятся, ни...

Договорить Теренсу не дали. В воздухе возникла чистая высокая нота. Опять.

– Нет, только не снова! – вольды, как по команде, схватились за головы.

Паук, не двигаясь с места, поднял переднюю часть туловища в извечном паучьем движении и засучил вздетыми лапами. Нота стала громче и чище. Вольды схватились за уши, но помогало это слабо. Опять начала накатывать дурнота.

– Это он, зараза, в прошлый раз..., – сквозь глушащий сознание звук простонал Тооргандо.

Руки начали мелко трястись, ноги стали ватными и непослушными, пустые желудки спазматически сжимались. Расстояние имело значение: в прошлый раз интенсивность воздействия была не такой. Или тогда Паук не так громко кричал?

Вольды уже начали отключаться, но у тиххина оказалось свое видение происходящего. Рисунок его движения вдруг изменился. Стал пульсирующим. Серебристое кольцо вокруг кокона поднялось вверх, потом опустилось вниз. Пошло волнами. Опять вверх. Вниз. Волнами. Вверх. Вниз... Раз за разом, секунда за секундой тиххин создавал новый узор из своего тела.

– Да он же сам рисует узор, – неверяще прошептал Демчи сквозь накатывающее беспмятство, всматриваясь в неровные движения змея. – Смотрите, он накручивает на себя линии. Смотрите.

– Запоминай, запоминай, – попросил-потребовал Шаман, почти теряя сознание. – Я не вижу, не понимаю. Запоминай.

Демчи зашевелил губами, заучивая контуры узора. Тиххин тем временем ускорил свой танец так, что его движения перестали быть видимыми. Вокруг Паука опять кружилась серебристая лента, но теперь она стала гораздо шире, и на ней отчетливо стал просматриваться рисунок, становившийся видимым только на такой скорости.

– Вот он, узор, – восхищенно прошептал Демчи.

И нота стала стихать. Нет, не так. Она звучала все так же громко, но теперь этот звук уже не заставлял хвататься за голову, не лишал воли, не повергал на землю. Тиххин нашел противоядие.

Но это было не единственным приемом Паука. Поднятые передние лапы закрутились в обратную сторону. Теперь Паук не отмахивался от противника, а наоборот – как будто притягивал его к себе. Он ткал невидимую паутину.

– Ох ты, – выдохнул вдруг кто-то сзади.

И тут же его возглас повторили все остальные. Всех мгновенно накрыло одинаковым ощущением: как будто через них протянули невидимую, но почти осязаемую сетку.

– Вот она, паутина, – потрясенно прошептал Кашей. – И как же он это сделал? Ведь тут такого наворачено.

– Запоминайте, запоминайте, – как заведенный твердил Шаман.

На поляне вокруг тиххина начал сгущаться воздух. Желтоватое марево начало окутывать кружащуюся ленту, и в ее безупречном узоре начали появляться дыры. Одна, другая, третья.

И тут тиххин ударил.

Неуловимое глазом движение – и над черным куполом кокона возникла мешанина из чешуи, лап, глаз и еще чего-то, от одного вида которого начинало бросать в жар. Вот проявилась голова огромного змея. На мгновение замерла – и новый бросок. Две черные лапы взметнулись вверх, загнулись, превращаясь в два копыта – удар. Опять зазвучала нота, но никакого эффекта не последовало. Куча распалась. Огромный змей опять начал свое кружение. Но уже гораздо медленнее. Серебристая чешуя тиххина стала пятнистой. Скольжение перестало быть ровным.

Паук тоже не остался невредимым. Одна из лап безвольно болталась. Два глаза вытекли. Брюхо смялось.

Но бой не закончился. Желтоватое марево опять начало сгущаться над противниками.

И вдруг Паук провалился. В кокон. На треть. И стал погружаться. Тиххин прыгнул. Даже из леса было видно, насколько этот прыжок был прыжком отчаяния. Змей пытался достать ускользающего противника. Огромная голова вцепилась в головугрудь тонущего в черноте Паука, и все замерло.

Секунда, другая...

– Это все-таки он кокон сделал, – пробормотал Кашей.

И тут чернота взорвалась.

Ошметки Тварей разметало по поляне. Все вокруг оказалось залитым какой-то слизью, валяющиеся на поляне поваленные стволы взлетели в воздух, но тут вольдам повезло. Окружающие поляну деревья приняли на себя удар больших фрагментов, и на долю Команды пришла всего лишь ударная волна.

Которая расшвыряла вольдов и магов, как мелких насекомых, попавших в ураган.

Шаман не зря смотрел, куда придется лететь. Его приземление получилось самым мягким. И он первым из всех встал на подгибающиеся ноги.

Чтобы увидеть, что на месте кокона осталось странное темное нечто....

Глава 3

Шаман, шатаясь, на трясущихся ногах добрался до переломанного пополам дерева и тяжело оперся на торчащий кусок ствола.

– Э-эй, – позвал он. – Все целы?

Голос прозвучал хрипло и неуверенно, но сошло и так. В ответ из различных куч переломанного дерева, в которые превратилась опушка, где они прятались, раздались голоса. Прислушавшись, Шаман с облегчением ухмыльнулся: раз ругаются, значит, живы. Так, а теперь... В Шамане проснулся дух Улитарта. Его взгляд уже был прикован к странному «нечто», оставшемуся на месте взорвавшегося кокона.

Отпустив опору, Шаман двинулся в путь. Несмотря на небольшое расстояние, добраться до этого «нечто» оказалось непросто. К бурелому из поваленных деревьев, на месте которого и возникла поляна, теперь добавились последствия взрыва. Тут и здоровому-то непросто пройти было, а уж дважды стукнутому...

– Назад, – голос Теренса остановил ковыляющего Шамана как раз по середине пути.

– Почему? – не отрывая взгляда от странно знакомых обводов «нечто», поинтересовался тот.

– Просто потому, что Твари его знают, что это такое, – второй «подарок» за день даром не прошел, теперь и в голосе железного Теренса появились сварливые интонации. – А ты один. Подожди, пока соберемся.

И тут «нечто» зашевелилось.

– Ложись! – сразу несколько голосов с разных сторон.

– Не стрелять!!! – Шаман первым разглядел, что именно представляет собой это «нечто».

Непроглядная темнота не была одинаковой. Вокруг возникали какие-то тени, промелькивали какие-то существа. Севилья их не видел, но чувствовал. А еще он почти с самого начала чувствовал на себе чей-то взгляд. Причем смотрела не одна пара глаз, а несколько. Почему это было именно так, он объяснить не мог. Просто чувствовал и все.

И если сначала эти глаза просто смотрели на него, то с течением времени, их интерес становился все более и более... практичным, что ли. Его как будто оценивали. Причем, как показалось Севилье, с гастрономической точки зрения. Но это могло и показаться. Темнота давила, как толща воды, но она же и успокаивала. Севилья просто лежал в этой тишине, фиксировал происходящее (или кажущееся) вокруг, а эмоций не было. Никаких. Все происходило вне его. И за это он был темноте очень признателен.

Но глаза были не единственными обитателями темноты. Один раз где-то рядом возник странный, еще более темный кусок, который пропищал что-то, что непонятным образом напомнило Севилье человеческий голос, но разобраться глубже не получилось. Комок темноты пискнул еще раз, а потом глаза на секунду отпустили Севилью, и комок с истерическим воплем исчез. Севилья вяло записал в список происходящего удивление и опять стал лежать.

А потом пришло беспокойство. Не страх, не переживание, а помеха. Темнота перестала быть неподвижной. Глаза приблизились, темнота начал медленно двигаться. Но появилось еще что-то. Что?

Где-то в углу сознания Севильи показалась лента. Длинная извивающаяся лента. В наблюдающих глазах появилась сначала отрешенность: Севилья стал не так интересен. Потом раздражение. И глаза отодвинулись. А лента наоборот, увеличилась в размерах, заполнила собой окружающие ощущения.

И началась свистопляска. Севилья даже расстроился. Неподвижность ушла, о покое пришлось забыть. Темнота вокруг неподвижного Севильи заходила ходуном. Потекла, смазываясь

кремом, пошла пятнами. Глаза то появлялись, то исчезали. Темнота сжималась и расширялась, пульсировала, беспокоила и раздражала.

И вдруг в темноте появились полосы. Все так же отстраненно Севилья зафиксировал, что полосы эти странно похожи на щупальца. И тянулись они к нему. Но рассмотреть не получилось....

– А-а-а! – ворвавшийся свет резал не хуже ножа. – Че-е-ерт, уברי-и-те-е-е!!!!

Рухнувший на Севилью мир, не радовал никак. Светло, громко, больно, холодно. Он задергался, пытаясь спрятаться хоть куда-нибудь, но спасительной тишины больше не было. Тело начал сотрясать судороги. Стало плохо. И Севилья опять начал размахивать руками, чтобы все еще раз получилось как тогда: грохот, крики... и темнота.

Ничего не вышло. Тело продолжало дергаться, а руки не двигались. Их... что-то держало. Свет померк, что-то заслонило его. Темное круглое пятно. Севилья сфокусировал взгляд и замер. Парад кошмаров продолжался: на Севилью смотрел человек, превратившийся в сенбернара. Или сенбернар, ставший человеком. Севилья замер. Что делать вот с этим глюком, он не представлял.

– Э-эй, братишка, ты живой? – осторожно поинтересовался Шаман, склонившись над лежащим человеком.

Парень оказался тем еще сюрпризом: не перехвати вовремя Шаман его руки, он бы тут такой фейерверк устроил, мало бы никому не показалось. Им-то в третий-то раз точно. Шаман, как только разглядел, какие узоры висят у парня на руках, бросился вперед, уже не разбирая дороги. Ногу, похоже, подвернул. Вот зараза.

– Ты меня слышишь?

Ноль реакции. Остекленелые глаза, и безмерно удивленное выражение лица. Ну, и чего с ним делать?

– Эй, мы свои, – успокаивающе начал Шаман. – Люди. Улитарт. Все хорошо, все в порядке, тебе ничего не угрожает.

Руки парня вдруг свело судорогой, в лице появилась паника.

– И чего у нас тут? – из-за плеча Шамана высунулся улыбающийся фирменным торкским оскалом Тор.

Шаман чуть руки не разжал.

– Твою мать, а что никого попрличнее не нашлось в округе?

Глюк, оказывается, умел говорить.

– Э-эй, братишка, ты живой? – произнес сенбернар хриплым человеческим голосом.

Что ему ответить? Севилья взял паузу. Все-таки слишком много всего для одного-то раза. Но сенбернар не успокаивался.

– Ты меня слышишь?

«Слышать-то слышу», промелькнуло в голове у Севильи, «но вот только не уверен, что тебя».

– Эй, мы свои. Люди. Улитарт. Все хорошо, все в порядке, тебе ничего не угрожает.

Станный какой-то этот сенбернар.... И тут справа от пытающейся быть добродушной собачьей морды возник выходец из ночного кошмара. Севилье даже стало немного легче. Ну, наконец-то, приличествующий случаю атрибут: раскосые глаза, оскаленный рот, полный острых зубов, уцелевший клочок волос на макушке, грязно свисающий на покатый лоб.

– И чего у нас тут? – каркнул кошмар.

Похоже, пора опять в темноту....

– А чем это я не устраиваю? – обиделся торк.
– Ты его испугал, – пояснил Шаман.
– Я? – искренне удивился Тор, разинув рот.
Парень задергался сильнее.
– Нет, б...ь, Папа Римский, – обозлился Шаман.
– Чей папа? – не понял Тор.
– Бенин, – просвистел сквозь сжатые зубы Шаман. – Свали отсюда.
– Да пожалуйста, – торк обиделся окончательно и отошел.
Узоры, висящие на руках парня, чуть сжались. Если он вырвется... Срочно нужна была помощь. Кто?
– Каше-е-ей!
Нет ответа. Кто?
– То-о-ор!
– Здесь, – обиженный торк опять появился за плечом.
Парню, судя по лицу, стало хуже.
– Свали, – зарычал Шаман. Рычание бодрости пациенту не добавило.
– Сам же звал, – растерялся Тор.
– Д-р-ругой, – рыкнул Шаман.
– Понял, – торк, наконец-то, что-то для себя уяснил и исчез.
– Гема-а-ар, – раздался сзади его крик.
Через несколько секунд над тем же плечом возникло лицо кривящегося от боли Тооргандо.

Бред не проходил. Появившийся кошмар исчез, потом вынырнул снова, исчез опять. Сенбернар сначала оскалился, потом зарычал, потом начал кого-то звать. Севилья прислушался. Он ошибается, или этот глюк зовет Кашея? Бессмертного? Тогда точно все в порядке, это свой глюк.

Севилья попытался двинуть руками. Не получилось. Глюк оказался качественным: руки по-прежнему не двигались. Еще раз...

И тут сбоку от сенбернара, на месте давешнего кошмара появилось новое лицо. Для разнообразия нормальное. Принадлежащее какому-то молодому парню.

– Что случилось? – поинтересовалось лицо.

Может, не совсем глюк? Может, поговорить? Севилья прочистил горло. Надо что-то умное ведь сказать.

– Слушай, ты кто? Где я? – правда умно получилось?

– Что случилось? – поинтересовался высунувшийся из-за спины Тооргандо.

Ответить Шаман не успел. Парень внезапно перестал дергаться и устоялся на гемара. Несколько секунд осмысленного выражения лица, и вдруг парень хекнул, прочищая горло.

– Слушай, ты кто? Где я? – хрипло спросил он.

Шаман чуть на землю не сел от облегчения. Ну, теперь главное, чтобы кто-нибудь вроде Ольми не высунулся. Зеленоватые волосы и острые уши парень еще не готов воспринимать.

– О, – обрадовался гемар. – Живой. Ничего себе ты дал. Это ты Паука с тихином оприходовал?

Незнакомец моргнул. Осознанности в его лице не прибавилось.

– Тор, он не понимает ничего, – углом рта прошипел Шаман. – На тебя он нормально реагирует, объясни ему, что все в порядке, мы не враги. А то он тут такое устроит... Глянь на узоры.

Тооргандо послушно всмотрелся в готовые к применению узоры.

– Ничего себе, – присвистнул он, возвращаясь к незнакомцу. – Вот теперь я верю, что эта парочка – твоих рук дело. Ты, это, останавливайся, давай. Мы не враги. Все в порядке.

– Где я? – повторил незнакомец.

Парень выглядел... нормально. Как обыкновенный парень. Вот только говорил какие-то непонятные вещи. Причем тут паук? Какой паук? Сенбернар прошипел что-то парню, и тот начал смотреть куда-то сквозь Севилью. Вот он вернулся.

– Ничего себе, – присвистнул он. – Вот теперь я верю, что эта парочка – твоих рук дело. Ты, это, останавливайся, давай. Мы не враги. Все в порядке.

В чем останавливайся? Севилья потихоньку начал теряться. И вновь пришел страх, как замена всех мыслей.

– Где я? – повторил Севилья. Рукам начало становиться больно, и он попытался их выдернуть.

– Э-э-е-ей, – заволновался парень. – Не надо, мы тебе ничего плохого не сделаем.

«Вот и не делайте», подумал Севилья и дернул руку. Сенбернар напрягся – оказывается, это он держал их. Севилья дернул другую. Фальшивая улыбка сенбернара начала превращаться в оскал. «Ничего плохого?», зло плеснулось в голове у Севильи. Он сжал зубы и начал тянуть руку. Сенбернар не отпускал. Страх усилился, начал заполнять голову, потихоньку переходя в откровенную панику, но Севилья держался. Тем более что «нормальный» парень всем своим видом показывал, что беспокоиться не о чем. Севилья не знал, что и думать....

И тут появилось новое действующее лицо: оскаленный череп, кое-как обтянутый кожей, всунулся между парнем и сенбернаром.

Это оказалось последней каплей....

– Что у вас тут творится? – доковылявший до центра площадки Кашей всунулся между гемаром и Шаманом.

– Да вот, посмотри, какой кадр..., – начал Шаман, и тут ситуация взорвалась.

– А, черт, – Шаман рывком развернулся к незнакомцу, который умудрился выдернуть руку. Над собравшимися магами замерцал воздух. – Тор, накрой его!

Тооргандо бросился вперед, хватая руку, с которой, казалось, стекает нечто бледно-голубое, при одном взгляде не которое становилось дурно. Ухватил. Парень вывернулся, рука опять заметалась в воздухе. Бледно-голубое нечто коснулось Шамана и тот зашипел рассерженным тиххином, с трудом преодолевая боль.

– Кащ-е-ей!

Ничего не понимающий Кашей заворожено смотрел на все это действие, участником которого он неожиданно стал. Смотрел он до тех пор, пока одно из щупалец бледно-голубой дымки не мазнуло по нему, заставив заверещать от боли. Вот тут и пришло понимание. Резко сунувшись вперед, маг оказался лицом к лицу с извивающимся незнакомцем, схватил его голову своими руками и вперил немигающий взгляд в его глаза. И незнакомец замер. Обмяк. Перестал вырываться. Ядовитая дымка начала рассеиваться, исчезать. Вот глаза незнакомца закатились, и он мешком свалился под ноги облегченно вздохнувшим магам.

– Вот примерно так, – пробормотал Кашей, глядя на неподвижное тело.

– Ну хоть что-то ты по-человечески сделал, – ворчливо отозвался Шаман, с трудом распрямляясь. Он потрогал плечо, скривился и тоже посмотрел на распростертого незнакомца. – Дохлые твари, кто ж он такой? Всю защиту эта пакость пробила с одного удара.

– Да уж, – выдохнул Тооргандо. – Силен, бродяга. Это он в яйце у Паука прятался?

Маги переглянулись. К месту «сражения», прыгая через поваленные деревья, спешили вольды.

Глава 4

– Ну извините, – в пятисотый, наверное, раз попросил прощения Севилья.

– Да нечего тут извиняться, – прогудел со своего места Тронд, наливая в кружку что-то из походного котелка. – Держи вот.

Он передал кружку Севилье, замотанному во все тряпки, которые нашлись в походных сумках вольдов.

– Все равно, это из-за меня вам возвращаться приходится, – сокрушенно покачал головой Севилья, но кружку принял.

– Достал ты уже извиняться, – Кашей, чего-то колдующий над лежащим Шаманом, с трудом разогнулся. – Не скажу, что дело совсем уж житейское, но с каждым может случиться.

– Угу, только почему-то всегда со мной случается, – слабо отозвался попытавшийся подняться Шаман. – Как-то мне этот могильник не прет.

Бледно-голубая гадость, шарахнувшая Шамана, оказалась штукой непростой. После исчезновения она действовать не перестала. Пораженный участок распух, покраснел и начал пульсировать. Кашею и, как ни странно, творцу-породителю Севилье тоже досталось, но не так сильно. Их состояние колебалось от «не здорово» до «хреновенько» и обратно, а вот Шаман слабел на глазах. В этих условиях о продолжении выхода говорить не приходилось, и Команда усиленным маршем двинулась назад. Ядовитый узор воздействию пока не поддавался, и теперь вся надежда была на изобретательность горячих голов Улитарта.

– Доля такая твоя, командирская, – Шаман доковылял до Тронда и тоже получил от него кружку.

Принюхался, отхлебнул и поднял удивленные глаза на глемма.

– Это что?

– *Глемм-дош*, – подошедший Теренс и не пытался прятать озабоченность. – Это уже как последнее средство. У него есть слабый эффект чистки линий хальер.

– Да уж слышан-наслышан, – Кашей с удовольствием сделал еще глоток и с укоризной покачал головой. – Несли, и не сказали....

Теренс даже отвечать не стал. Рецепт глемм-доша хранился, как величайшая тайна. Производство было чрезвычайно мал'о. И, самое главное, торгаши глеммы, по общему мнению Клевера, за достойную плату способные уступить родную мать, сам глемм-дош *не продавали*. Никогда. Уже одно это делало эликсир легендарным, а если еще и поверить во все чудесные свойства, приписываемые ему....

– А мне? – подал голос страдающий Шаман.

– Вам, Ваше Магичество, нельзя, – хмуро отказал Теренс. – Что-то мне ваш фон хальер перестал нравиться.

Помимо прогностов, глеммы еще считались и лучшими лекарствами Клевера, поэтому заключение Теренса можно было принимать, как окончательное.

– Нет в жизни счастья, – Шаман откинулся на ветки, служившие походной кроватью.

– Ты точно не можешь вспомнить, что у тебя там намешано было? – Теренс подошел к Севилье.

Тот еще больше вобрал голову в плечи, став похожим на черепаху.

– Нет, – замотал он головой. – Я же говорил, я вообще не понимаю, как у меня все вышло. Я просто хотел защититься.

– Да уж, – вздохнул Старший, – защитился.

Он посмотрел на Севилью, которого уже можно было собирать тряпкой, как разлитую воду, и смилостивился.

– Но, насколько я понял вашего Распорядителя, во всем этом есть один, несомненно положительный момент: в Улитарте будут просто счастливы, получить такой образчик.

– Это точно, – Кашей с видимым удовольствием хлюпнул глемм-дошем. – Народ будет счастлив.

– Тому, что я приложил ... Шамана? – Севилье еще плохо давались прозвища.

– Нет, – хихикнул Кашей и тут же закашлялся. – Тому *как* ты его приложил. Неизвестный в природе узор: что может быть лучше?

Со стороны лежащего Распорядителя раздалось нечто вроде стоны, перемежающегося с рычанием.

– Так, всем спать, – распорядился Теренс, прекращая беседу. – Нам еще два дня идти. Очень быстрым шагом.

Дым костра улетал в темнеющее небо, теряясь в темноте. Севилья, вымотанный переходом, молча устроился поодаль, наблюдая за вольдами, располагающимися на ночевку. Сегодняшний переход дался тяжело, но, как ни странно, чувствовал он себя немного лучше. Кашей, кстати, тоже выглядел бодрячком, чего нельзя было сказать о Шамане. Хотя, и тут драматического ухудшения не произошло. Видимо, все магические пассы, которые третий день производил над страдающим Распорядителем Кашей, даром не прошли.

Севилья присмотрелся к Ольми, расстилающему походный плащ на куче веток. Тот почувствовал взгляд, повернулся, увидел Севилью и подмигнул. Севилья смущенно улыбнулся. На Земле, продолжающей войну с Клевером, образ аталь рисовался несколько другим. Злым, безжалостным, отталкивающим, жестоким. Образ врага.

Третий день наблюдающий за Командой Севилья так и не смог за все это время найти подобных черт ни в ком из нелюдей. Да, аталь – зеленоватые, остроухие, тонкокостные ... люди. Красивые даже ... Да, торки – зубастые страшили. Да, глеммы – бородатые квадратные кубики, тяжелые даже на вид. И что? Никто из них, кроме внешнего вида, ничем от большинства виденных Севильей людей не отличался. Вернее отличался. В лучшую сторону.

Севилья перевел взгляд на Тора, подтягивающего перевязь меча. Торк тоже поймал взгляд (у них у всех что, глаза по всему телу?), повернулся и сверкнул игольчатым оскалом. Улыбнулся. Севилья улыбнулся в ответ.

Переключающийся мешок Тронд, не оборачиваясь (конечно заметил, как еще?), приветственно махнул рукой. Севилья робко шевельнул пальцами, наверное, тоже увидит.

Вся Команда, как один, третий день бережнейшим образом выхаживала троих пострадавших, несмотря на то, что один из них являлся прямым виновником всех этих бед.

Севилья тяжело вздохнул.

– Чего страдаешь? – рядом с ним опустился гемар Тооргандо.

– Да все то же, – извиняющимся тоном протянул Севилья.

– Во у тебя сила воли, – восхитился Тооргандо. – Ему все хором твердят: «все нормально», а он третий день ото всех прячется и извиняется. Это здоровье иметь надо.

Тооргандо скорчил дурашливо-уважительную мину, и Севилья против воли рассмеялся. Умел человек поднять настроение. Вообще, с Тооргандо было легко. Гемар был из тех людей, при первой же встрече с которыми устанавливается легкий дружелюбный контакт, определяющий все дальнейшее общение. В принципе, все вольды оказались неплохими ребятами, но Севилье еще сложно было вот так запросто подойти и начать болтать с ужасиком Тором, например, или суровым, заросшим буйной бородой Трондом. К вежливому спокойному Ольми обращаться Севилья робел. Про Теренса и говорить не приходилось. Григор, единственный человек-вольд, вечно пропадал в каких-то дозорах. Перед Кашеем и Шаманом ему до сих пор было стыдно за произошедшее. А вот гемар Братьев Находящих (Севилья, правда, с трудом

представлял себе, что это за «братья», и чего они находят) оказался самым удобным собеседником.

– Да не могу я так, – с чувством пожаловался Севилья. – Я ведь все вам испортил, Шамана покалечил. Вам теперь возвращаться приходится. А вы со мной тут носитесь, как с ребенком, отпиаваете, выхаживаете. Как уж тут ходить и улыбаться. Неуважение получается.

– Дос-тал, – припечатал Тооргандо. – Никто не ждет, что ты на шею будешь бросаться, но портить всем настроение похоронной рожей – это неправильно. Чего плохого-то? Никто ведь не умер. Подумаешь, Шамана покарябали, поправят, – при этих словах гемар лукаво обернулся, проверить, не слышит ли его сам Шаман. – Зато новый узор несем, и вообще, нового мага в Странный Город приводим.

– Слушай, а расскажи, что такое, этот Странный Город? – Севилья ухватился за возможность переменить неприятную тему.

– Странный Город? – переспросил Тооргандо, и в его глазах зажегся восхищенный огонек, появившийся в глазах любого из жителей Города Безумных Магов всякий раз, когда речь заходила об их любимом Улитарте.

– Странный Город, – задумчиво повторил гемар. – Ты знаешь, уже завтра сам увидишь, а пока я тебе твоего любимого Шамана процитирую....

Севилья поежился и сам начал высматривать подраненного им Распорядителя этого самого Странного Города, в котором он собирался провести остаток своих дней. Хорошее начало новой жизни, нечего сказать.

– Ты на радуге катался? – голос Тооргандо вернул его обратно.

– Нет, – удивился Севилья.

– Покатаешься, – абсолютно серьезно пообещал гемар. – Вот завтра придем в Улитарт, освоишься и сам все увидишь.

Севилья замолчал, обдумывая услышанное.

– Про радугу, ты это серьезно? – поинтересовался он почти минуту спустя.

– Абсолютно, – кивнул Тооргандо, все это время наблюдавший за ним. – Только ты когда забираться будешь, сначала внимательно посмотри и продумай, как оттуда будешь слезать, – в глазах гемара заплясали бесенята. – А то случаи, знаешь ли, разные бывают.

– Это, в смысле, хорошо или плохо? – не понял Севилья.

– По всякому, – улыбнулся гемар. – Но скучно точно не будет.

Скучно в Улитарте не было – это точно. Севилья, накачанный всевозможными сказками и обещаниями, конечно же, приготовился вступить в легендарный город, но он все же ожидал несколько иного....

– Колпак!!!

Первое, что увидел Севилья, вывалившись из портала перехода, ведущего из баронства со странным названием Такатак в горы, к Улитарту, был среднего роста чумазый парень с растрепанными длинными волосами, кое-как собранными в два абсолютно девчоночьих хвоста. Длинная серая хламида, являвшаяся, судя по всему, одеждой парня, доходила до колен. Из-под нее виднелись потертые ... джинсы. Севилья удивленно моргнул. Увидеть сей предмет туалета здесь, бог знает за сколько... километров... световых лет... миров..., было донельзя странно.

Сам парень своего внешнего вида не смутился ничуть. Подпрыгивая от нетерпения на месте, он полностью игнорировал выходящих из портала одного за другим вольдов, высматривая кого-то.

– Тор! – углядел он, наконец.

– Да? – вежливо отметился торк.

– Чего тебе? – ворчливо отозвался гемар.

Парень на секунду замешкался, но она быстро прошла.

– Колпак, Тор, колпак! Где Шаман?

– Болеет, – показал себе за спину Тооргандо, где из портала аккуратно доставали носилки с Распорядителем.

– Шаман! – информацию о болезни парень начисто проигнорировал. – У меня колпак получился!

Не замечая стоящих вольдов, наступая на ноги и работая локтями, он начал протискиваться через небольшую площадку перед порталом к лежащему Шаману. И уже открыл, было, рот для очередного возвещения о создании мифического колпака, но неожиданно был остановлен недрогнувшей костлявой рукой.

– Шаман болеет, – сурово навис над ним Кашей.

– О, привет, Кашей, – глянул сквозь него парень. – Мне Шаман нужен.

Он двинулся дальше, но остатки все еще действующего узора Севильи не прибавили Кашею добродушия. Костлявая рука переместила парня обратно.

– Он болеет, – чуть ли не по слогам повторил Кашей.

Он нахмурился, отчего его и так не блещущее красотой лицо окончательно превратилось в маску первоначального обладателя имени.

– Я все понял, Кашей, – между заморожено наблюдающими эту сцену вольдами протиснулся Демчи. – Тиххин когда Паука грохнул, тот морок дальше пошел. Дошел до Улитарта, и теперь им тоже надо демаги носить? Да, Гайденн?

– Зачем демаги? – моргнул парень, наконец-то, возвращаясь в реальный мир.

Севилья улыбнулся, сравнение Демчи оказалось похожим.

– Затем, что у тебя в башке один морок сплошной, – в разговор вернулся Тооргандо. – Сказано тебе: болеет Шаман. Не трогать. Как еще объяснить?

– Чем болеет?

– Сифилисом, – разозлился Кашей. – Тиххин заразный попался.

– Да? – парень, похоже, опять начал проваливаться в свое измерение. – Так у меня же вот чего.... Колпак... Шаман!

– Уйди отсюда! – Кашей уже был готов начать колдовать, но тут раздался слабый голос.

– Гайденн, давай позже, – Шаман не смог даже приподняться на своих носилках. – Меня что-то и вправду прихватило. Я сейчас колпака от панамы не отличу.

– Так как же..., – растерялся Гайденн.

– Тебе туда, – Тооргандо строго указал ему пальцем вниз, в долину, где в уютной долине виднелся ... у Севильи перехватило дыхание... тот самый белоснежно-хрустально-зелено-радужный город... нет, не так – Город. Он... его Город....

А на одном из склонов Севилья замер, не в силах двинуться с места.... На одном из склонов....

– Да ну вас, – надулся Гайденн, сообразивший, наконец, что это все всерьез.

Он развернулся, сделал несколько шагов, щелчком пальцев создал перед собой вихрящуюся спираль из искрящихся снежинок, шагнул в нее. И пропал. Спираль исчезла.

– Во дает, – восхищенно проговорил ему вслед Тооргандо.

Он обернулся к Севилье.

– Вот это я и имел в виду, когда говорил, что думать надо, сможешь слезть с радуги или нет, – напомнил он недавний разговор.

– Что, «это»? – незряче отозвался Севилья, рассматривая долину. Внизу лежал Город. Его Город. А на одном из склонов....

– В Улитарт напрямую порталом пройти нельзя, – пояснил гемар. – Но у этого перца получается. Видал, как он? Р-раз, и готово. Но вот за ним идти не рекомендуется категорически. Одни Несуществующие знают, куда тебя потом выкинет. Так что....

Он замолчал, увидев глаза Севильи. А Севилья не видел уже ничего, кроме манящего к себе города, мерцающего всеми красками мечты.

– Т-ш-ш, – Тооргандо прижал палец к губам, останавливая Кашея, решившего что-то сказать.

– Не мешай, – шепотом пояснил он, показывая глазами на замершего Севилью.

И подтолкнул того к тропе, ведущей вниз.

– Иди. Уже можно. Иди.

Севилья зачарованно сделал шаг, другой, третий. И медленно пошел по тропе, спускаясь вниз, в долину.

Его ждал его Город Тысячи Радуг. Он все-таки добрался.

А на одном из склонов уютно устроился небольшой трехэтажный домик с башенкой наверху....

Глава 5

Мастер Ацекато* сидел в глубоком и мягком кресле на террасе верхнего этажа и любовался на закат. Он специально попросил пристроить эту веранду с навесом, чтобы вечерами сидеть здесь и наблюдать, как солнце раскрашивает горы во все цвета радуги и медленно, разливая свой последний свет, прячется за дальние хребты. В такие моменты он престаивал чувствовать себя человеком. Он растворялся в вечернем великолепии, сливался с воздухом, горами, реками внизу, исчезающим солнцем. Он превращался в каждую огромную звезду, зажигающуюся на быстро темнеющем вечернем небе. Каждый такой закат, по его словам, прибавлял ему несколько лет жизни. И может быть, оно и правда было именно так.

Вот только вечера такие выдавались очень редко. Хорошая погода сама по себе далеко не всегда балует одну из самых высоких вершин хребта Магов, а текущие дела забирают еще и еще от этих прекрасных закатов.

На лестнице, ведущей на террасу, раздалась шаги.

– Ты, может, посидишь со мной, просто посидишь, ну их, эти проблемы, сами рассосутся, – Мастер Ацекато попытался удержать уходящее очарование, но поднимающийся Муритай был непреклонен.

– Сами, к сожалению, не рассосутся, Мастер, – огромный торк, со временем превратившийся из няньки-телохранителя в преданного и верного друга, повел могучими плечами. – Тут столько набежало, что я уж подумываю не рекомендовать вам на веранде сидеть. А то, Ваше Магичество, как вы сюда заберетесь, так все скопом валится. И одно другого краше.

– Рассказывай, – вздохнул Точилинов.

– Первое, – Муритай решил обойтись без цветистых оборотов, что лишний раз показывало: проблем на самом деле много. – Просит о встрече Гермес. Что-то у него есть за душой. Просит настойчиво.

– Конечно, встретимся. Кто я такой, чтобы отказывать Хозяину Красного Замка, – съязвил Ацекато. Он пытался убрать раздражение, но получалось плохо – очень жаль было заката. Муритай поднял бровь и ничего не сказал. – Конечно, у него что-то есть. Ему очередную экспедицию надо к Цепи Света отправлять: Земля требует дальнейших результатов, а Старшие Расы как с цепи сорвались. Каждый их шаг отслеживают. Наш, кстати, тоже. И, если честно, я их понимаю.

– Ага, и поэтому мы только фиксируем происходящее, ничего не предпринимая.

– А что еще предпринимать? Ты видишь что-нибудь? Я лично вижу только повышенную активность Старших Рас и тщательно скрываемую, даже от своих, суматоху в Красном Замке. Гермес съездил на Землю, и получил очередные задачи. Больше ничего. Ни одного нестандартного действия. Шамана с Теренсом к могильнику мы отправили. Все, больше у нас ничего пока нет. Ждем.

– Кстати о Шамане и Теренсе, – откашлялся Муритай.

– Что? – развернулся в кресле Точилинов. Закатом все-таки пришлось пожертвовать.

– Вернулись, – коротко доложил торк.

– Уже? – удивился Мастер Ацекато.

– И да и нет, – Муритай решил не играть в игры и сразу начал отвечать на невысказанный вопрос. – Да – вернулись, нет – задачу не выполнили.

– Что случилось? Пострадавшие?

– Вот, – Муритай протянул Точилинову черную коробочку ком-кристалла.

Вообще-то магам никакие кристаллы для передачи информации нужны не были. Информационный узор мог существовать и сам по себе, но люди – существа привычки, да и связь пользуются не только маги. Поэтому еще в самом начале, когда сам Мастер Ацекато, еще

будучи полковником Точиловым, с таким же как он земным полковником, только китайцем – Се Ляо Юем, создавали первую систему связи в Трех баронствах, они сразу привязали информационные узоры к дешевым кристаллам, добываемым недалеко от Такатака.

Но конструкторская, да и дизайнерская мысль на месте не стоит, вот и начали эти дешевые кристаллы, невзрачного оттенка, мутировать во всякие необычные штуки. Ладно, Улитарт, там народ не очень озабочен внешними проявлениями, но уже в Директории, про баронства и говорить не приходится, каждый более-менее обеспеченный индивидуум старался выделиться. Чего только не напридумывали. Само же Братство Магов Земли в лице бывшего капитана спецназа Агатьева, а ныне Директора, главы светской части Братства; голландца ван Брюккена, бессменного администратора, воплощающего в жизнь все безумные и не очень идеи Мастера Ацекато; и дона Антонио Сибейры, главы Братьев Ищущих и Находящих (разведки и контрразведки), остановилось на максимально утилитарном варианте. Черные прямоугольные коробочки было удобно, как использовать, так и хранить: бюрократия и вирусы попали в Пестик одновременно с людьми.

Несколько минут Точилов сосредоточенно воспринимал информацию, содержащуюся в докладе. Муритай терпеливо ждал, присев на одну из скамеек, расставленных на террасе.

– То есть, они просто вернулись, потому что все устали, а Шаман сломался? – Мастер Ацекато оторвался от коробочки и нахмурился. – Или я чего-то не понимаю?

– В целом, именно так, – прогудел торк со своего места. Точилов все еще расстраивался из-за заката, так что вставить смысла не было никакого: все равно, пока он не прошипится, нормального разговора не получится. – Только они, как я понял, попали под Паука, еле сбежали от тиххина и траванулись какой-то неизвестной гадостью, которую сделал новичок с Земли. Новичка, кстати, они привели в Улитарт. Или его нужно было в Территориях оставить?

– Язвить уже можно переставать, – отреагировал на выпад Точилов, но уже без прежнего запала. – Куда парня дели?

– Кашей поначалу к себе забрать собирался.

– Кашей потихоньку становится чем-то средним между фильтром и нянькой, – проворчал Семен. – Как ребенок, тянет к себе всякую гадость.

– Какую гадость? – не понял торк.

– Не обращай внимания, – вздохнул Точилов.

Он повернулся к горам, кинул последний сожалеющий взгляд на зеленоватое великолепие заката и вернулся обратно к делам. Клац. Щелкнуло невидимое забрало. Муритай поднялся со скамейки. Все, пар спущен, перед торком сидел полностью готовый к бою Мастер Ацекато. Собранный, подтянутый, готовый к мгновенным, зачастую нестандартным, но практически всегда правильным решениям.

– Не обращай внимания, – повторил он. – Я злюсь из-за потерянного времени. И сбитого темпа. Теперь понятно, чего хочет Гермес. Разведка на Земле всегда была поставлена хорошо, Красный Замок, естественно, уже в курсе, что Шаман вернулся, не дойдя до цели. Соответственно, пойдет опять. Сейчас будет нытье и намеки. В итоге, – он размял затекшие плечи – придется отправлять сводную Команду.

– Я не столь силен в политике, как вы, Ваше Магичество, – Точилов давно уже убедился, что Муритай только с виду похож на большую акулу-убийцу, а внутри этого танка прячется очень много талантов. Правда, демонстрирует он их только сдобренными изрядной долей сарказма. – Но сдается мне, что в вашем высказывании как-то не очень верно расставлены акценты. Это Красный Замок первым отправил экспедицию к могильнику. И они-то как раз дошли бы туда, – это Шаман с остальными там бы остался. И купол-демаг мы до сих пор не можем создавать. И это они просвещали того же Шамана про Цепь Света, а не наоборот. Так что....

– Ладно-ладно, – сварливо поднял руки Точилов. – Нечего тут праведным негодованием пыхать, не Змей Горыныч. Все я помню. Но поверь моему слову: сейчас он нас будет звать в Территории, а не мы его.

– Почему? – если Муритай чего-то не знал, он никогда не стеснялся в этом признаваться.

– Старшие Расы, – многозначительно поднял палец Мастер Ацекато.

– И что? – в тон ему поднял свой палец торк. Его палец оказался раза в два больше.

– Подумай, – прищурился Точилов.

– Не буду, – опять натянул маску тупого служака Муритай. – У меня голова для другого предназначена. Я ею ем.

– Заметно, – съязвил Семен. – Мы в Пестике свои, они – пока нет. Нас в случае чего прикроют, – а им придется отбиваться самим.

– В случае *чего*? – недоверчиво поднял густую бровь Муритай.

– Нападения.

– Да-а? – делано удивился торк. – То есть, когда возле могильника дрались, то там выборка была? Наших не трогали? И когда базы земные рушили...

– Короче так, Гермесу – да, – закончил игривую перепалку Мастер Ацекато. Не удержался и съязвил. – Если его магическое высочество изволит, то я готов его видеть завтра прямо с утра. А к вечеру собирай Совет. Шамана, если в состоянии, – тоже сюда.

– А почему Совет не сразу? – поинтересовался Муритай.

– Потому, что мне еще подумать надо, – наставительно произнес Точилов. – Я, в отличие от некоторых, головой не только ем.

– И совершенно напрасно, – оставил за собой последнее слово Муритай.

Глава 6

Севиля брел по улице, идущей по краю ущелья. В Странном Городе вообще множество таких живописных, но непонятно откуда взявшихся улочек. Со стороны скалы выстроились симпатичные домишки. Насколько уже Севиля научился чувствовать Улитарт, эти небольшие домики были всего лишь маленькими витринами, а сами дома располагались в скале, занимая, как оказывалось, очень много места. Каким образом комнаты, вырубленные в скале, освещались солнечным светом, Севиля так и не понял. Ну, не оказалось у него таланта строителя.

Идти по улочке оказалось очень приятно. Как по тихому-тихому ухоженному парку в хрустальный день ранней осени. Горный воздух Улитарта и сам-то по себе был достоин баллад и легенд, а на этой улице казался совсем уж невообразимым лакомством. Севиля уже вторую неделю просто бродил по Странному Городу и каждый день замирал от восхищения, обнаруживая вот такие подарки Города Обретенной Надежды. То на площадь со сквером выведет его Улитарт, то на тенистую улицу мастеров огня вечером. То путешествие оставило в душе Севиля неизгладимый след. Поздним вечером по маленькой, тесно засаженной деревьями улице, прогуливалось неожиданно много людей. Однако, они загадочным образом совершенно друг другу не мешали рассматривать и любоваться творениями истинных мастеров. А любоваться было на что. Помимо множества фонарей, украшавших дома и лужайки магов, каждое дерево на улице было оформлено по-особому. Свет, казалось, исходил от каждого листа, ветки и самого ствола. У некоторых деревьев даже корни подсвечивали землю вокруг. Маги любили свой город, и он отвечал им тем же. Света было очень много, но он, то ли по прихоти мастеров, то ли по желанию самого Улитарта, а может и по молчаливому соглашению всех вместе, не разгонял окружающую всех теплую темноту, а существовал на ее фоне, волшебными цветами подчеркивая очарование ночи. Севиля не помнил, сколько он бродил среди домов и деревьев, наслаждаясь красотой мира. Он не видел ничего вокруг, кроме совершенства и гармонии открывающегося зрелища. Он был счастлив.

Вот и в этот раз, выйдя на очаровательную улицу, дышащую спокойствием и умиротворением, Севиля просто стоял и смотрел, стараясь впустить это чувство в себя. И только потом медленно двинулся вперед, чтобы не спеша посмаковать то, что ему досталось на этот раз. Временами он был почти уверен, что Улитарт действительно живой, как рассказывали ему все его новые знакомые. Севиля влюбился в него и был очень благодарен Странному Городу за то, что тот, по-видимому, отвечает ему взаимностью.

Край ущелья был аккуратно засажен деревьями, создающими неплотную изгородь, через которую можно было любоваться горным великолепием, простиравшимся по ту сторону. Иногда в этой изгороди встречались промежутки, в которых располагались беседки, смотровые площадки или просто скамейки. На одной такой скамейке, посреди пустынной улицы, сидел на самом краю обрыва человек. Заметив проходящего Севилю, он улыбнулся и приглашающее махнул рукой. Не видя причин для отказа, Севиля уселся рядом.

– Здравствуйтесь, – приветствовал его незнакомец.

– Здравствуйтесь, – дружелюбно отозвался Севиля. – Красиво-то как.

– Да, действительно красиво, – согласился незнакомец. – Я больше всего люблю эту скамейку. Здесь никто и ничто тебя не ограничивает. Как будто висешь в воздухе и не падаешь. Здорово, да?

– Правда, здорово, – Севиля обнаружил, что сравнение незнакомца вовсе не преувеличение. Скамейка была вынесена за деревья и расположена на самой вершине изгиба, который делала улица. Поэтому ни дома, ни деревья, ни дорога видны не были. Сколько хватало глаз, везде были горы и яркое голубое небо. Проникшись внезапно нахлынувшим озарением, Севиля вцепился в скамейку и замер в ужасе. Скамейки не было. Он на самом деле висел в воздухе.

– Извините, я вас напугал.

Мир обрел былые очертания. Севилья проглотил фразу, которая в таких случаях у любого человека выскакивает автоматически, и с небольшим напряжением ответил.

– Ничего страшного. Висеть в воздухе было замечательно. А испугался я резкого перехода, собственно-то.

– Еще раз прошу меня простить. Людей часто пугают мои шутки. При искреннем желании показать необычное и увлекательное, я постоянно чего-то не учитываю.

Странная манера речи и явное обособление от людей заставило Севилью пристальной вглядеться в собеседника.

– А вы еще не поняли? Вы недавно в Городе Радуг? Я – «любимчик Улитарта», – незнакомец смотрел на Севилью, как будто это все объясняло.

– Простите? – Севилье объяснение все-таки были нужны.

– Видите ли, – непонятный собеседник несколько замялся, пытаясь подобрать слова, которыми можно было объяснить новичку прописные истины. – Судя по манере разговора и одежде, вы недавно с Земли.

Севилья осторожно кивнул.

– На Земле таких как я называют, э-э-э людьми с психическими нарушениями.

Севилья смог не отодвинуться, но сдержать движение назад полностью у него не получилось. Незнакомец выставил вперед раскрытые ладони:

– Уверяю вас, я совершенно не опасен для окружающих. Улитарт не пропускает буйных и агрессивных. К счастью. Все наши нарушения совершенно безобидны и не мешают жить окружающим ни в коей мере. И это, – он грустным жестом прикоснулся к голове, – совершенно не заразно.

Севилье внезапно стало очень стыдно. Думать о том, что словам психически неполноценного человека доверять сложно, он даже не стал. Ну, не мог, действительно, Странный Город допустить к себе человека, способного в одночасье сломать всю его гармонию. Да и тот, кто говорил о своем городе с такой нежностью, не мог не быть достойным его.

– Извините, я не должен был так реагировать, – откашлялся Севилья. – Просто старые стереотипы так легко не изживаются. А если задуматься, то мы все здесь сумасшедшие. Сам факт наличия Города Безумных Магов не мог прижиться в голове у человека с нормальной психикой. В земном понимании этого термина.

Он неловко улыбнулся.

Незнакомец улыбнулся в ответ, и это почему-то успокоило Севилью. Доверительность была восстановлена.

– Петр, – представился новый знакомый.

– Севилья.

– Очень приятно, не обижайтесь на меня за тот инцидент. Я просто хотел дать вам почувствовать то, чем восторгаюсь сам. Я считал, что вам должно понравиться.

– А мне и понравилось, – Севилья проанализировал свои ощущения. – Испугался я, как уже говорил, резкого перехода. Только сидели на скамейке и, раз, – уже в воздухе. А само ощущение незабываемо.

– Может, попробуете еще раз? – несмело предложил Петр.

Хо́да назад не было, и Севилья согласился. И опять исчез город вокруг, и Севилья висел в прозрачном горном воздухе, ощущая себя облаком, проплывающим над всем этим великолепием.

– Красота! – очарованно выдохнул он.

Петр заботливо вернул его на скамейку.

– Понравилось?

– Еще как. А как вы это делаете?

– Увы, – Петр развел руками, – удел «любимчиков» – делать, восхищать, удивлять, поражать, но не мочь объяснить и научить. Чтобы понять как это – попробуйте научить меня дышать.

Севиля задумался над сравнением и нашел его достаточно образным.

– А что такое «Любимчики Улитарга»?

– Этот термин придумали маги, живущие в этом городе. Улитарт – он ведь живой, знаете ли?

Севиля кивнул, он далеко не в первый раз слышал это заявление.

– И пускает он к себе далеко не каждого, – Петр помолчал, уйдя взглядом в свои дали. – Вы где именно вышли в Пестике?

– В Территориях, как мне объяснили.

– Вот видите. Все пришедшие сюда маги выходят в Пестик не в Улитарте. Кто в Директории, кто в баронствах, кто, как вы, например, в Территориях, редко, правда. Над некоторыми Улитарт может и подшутить, и они выходят в Красном Замке. Бывало и такое, правда, очень редко. Хотя лично я думаю, что это не градация по значимости или отношению к магу. Просто Улитарт дает возможность каждому подготовиться к жизни здесь. Кто-то уже готовый маг, и ему нужно просто узнать социальную структуру общества, где он будет жить. А кому-то необходимо ощутить свои новые возможности на практике, – Петр выразительно посмотрел на Севилю. – Между прочим, случаи выхода в Территориях довольно редки, слишком высока опасность.

Севиля поежился, вспомнив свой вояж.

– И что мне теперь, радоваться или огорчаться?

– Ни то, ни другое. Воспримите это как данность. Хотя, если взять статистику, то, как правило, из людей, вышедших в Территориях, получают довольно сильные маги. Так что у вас хорошие шансы. Само собой, это не означает, что вам к ногам немедленно упадет невиданное могущество, но факты есть факты. Хотя, в Улитарте нельзя безоглядно доверять логическим выкладкам. Здесь все происходит по необходимости и желанию как самого Улитарта, так и его жителей.

– Это как?

– Это значит, что если весь город будет страстно желать вашего выздоровления, то вы выздоровеете, даже находясь в состоянии клинической смерти в течение нескольких часов. Это не предположение, кстати, это один из способов лечения. Улитарт помогает своим детям. Поэтому в критических случаях по всему городу объявляется проблема, что за человек заболел и почему ему очень надо выздороветь. Эй, не смейтесь, примеров масса. Когда Фиштиталь Хохотун из Хайара нарвался на целого багирана, его внесло в Улитарт ни много ни мало разорванного напополам. Его подруга Занида, благо она периодически оказывает услуги Кашею, попросила того выбросить узор, накрывающий как можно больше людей, дав почувствовать каждому попавшего под него, что значит для нее потеря любимого. Я оказался среди тех, кто попал. Клянусь покоем Несуществующих, так я не любил никогда. Ощущение потери было просто непереносимым. Я довольно высокого мнения о Кашее, но если бы он мог создавать эмоции такого уровня, то в Клевере заправлял бы кто-нибудь другой, а никак не Старшие Расы. Так что я вполне допускаю, что Улитарту самому захотелось исцелить Хохотуна. Когда Кашей снял узор, первое что я почувствовал, это желание чем угодно, но помочь этим двоим быть вместе. Никто не должен так страдать, а подобные чувства вообще, по-моему, должны оставаться с нами навсегда. Несколько Мастеров Состояний, собрав всех глеммов, попавшихся под руку, обливаясь слезами, четыре часа колдовали над ним. Шансов у них практически не было, а он в итоге вышел на своих ногах. Если интересно, можете найти его и поговорить. Он не откажется. Он по-прежнему Хохотун из Хайара.

Петр помолчал.

– Так вот, к чему я это все плел? А, «любимчики», – он глянул в глаза Севилье. – Мы всегда выходим в Улитарте. Всегда. Я просто завернул за угол и вышел в квартале Мастеров Разума. Улитарт, не знаю почему, не требует от нас подготовки. Может потому, что еще на Земле я уже жил здесь, в моем Городе Радуг? Вы не представляете, каково это, жить в серых городах, зная, что мой город здесь, он есть. Вот его мосты, дома, проспекты, парки. А мне говорят, что это бред, что Улитарт – это сказка. Меня лечат и стараются вернуть обратно в мертвенно серый мир. Нет, я люблю Землю, там очень много мест, где сердце захлебывается от восторга. Вы были в России?

– Я оттуда.

– Вы поймете. Встретьте рассвет где-нибудь под Выборгом, на берегу Финского залива, сидя на валунах среди сосен. Или закат августовским прохладным вечером на холмах на берегу Оки, накрытых звездным небом. Вы там останетесь.

Севилья вздрогнул.

– Вы не эмпат?

– Возможно. Поэтому Земля прекрасна. Но жить, по-настоящему жить, я могу только здесь.

Севилья молчал, переживая чувства, к которым случайно прикоснулся.

– Моя мания безобидна, если вам это интересно.

Севилья кивнул.

– Я строю замки из песка. Да-да, замки из песка. Я всегда любил их строить. И пока я строил их помимо земной жизни, это считалось хобби, а когда я решил, что ничего другого я просто не хочу делать, это назвали болезнью. А я просто хочу так жить. И Улитарту это нравится. Когда я пришел в Город, то сначала просто немного побродил по нему. День, два.... Может, больше.... Я не помню, сколько времени я так ходил. Просто ходил, без всякой цели.

Он замолчал, вглядываясь куда-то вдаль.

– А в один прекрасный момент я пришел на берег моря. Ласкового, теплого моря с огромным песчаным пляжем. Я не удивился, я не удивляюсь и сейчас. Это было мое Предлистье. Я сам его создал. Потом мне, конечно, объяснили, как его делать и как сохранять, а тогда я просто пришел и остался там. Я, наконец, мог строить свои замки. И никто, понимаете, никто не мог мне помешать.

Петр вдруг озорно улыбнулся.

– И вы знаете, то ли моя мания не зашла так далеко, то ли это действительно хороший способ лечения, но как-то в один момент я понял, что могу остановиться. Вот уж никогда бы не подумал, добровольно перестану строить замки. А вот, поди ж ты, случилось. Нет, я по-прежнему люблю их строить, но сейчас это действительно хобби, удовольствие. Так что даже по земным меркам я практически здоров. Правда, жить я все равно предпочитаю тем человеком, который пришел в Город Радуг. И меня и Улитарт это устраивает. А Предлистье сохранилось. Хотите посмотреть?

– Конечно. После полетов в воздухе мне уже интересно, какие еще сюрпризы у вас есть.

– Тогда прошу, – Петр поднялся со скамейки и жестом попросил Севилью обернуться.

Песок начинался прямо от скамейки.

А море и взаправду оказалось ласковым и теплым. Севилья стоял, разинув рот, и смотрел на ряды песчаных замков. Они шли от горизонта до горизонта. Всякие. Большие и маленькие; круглые, квадратные и треугольные; с башнями и без. С подъемными мостами, орудиями и баллистами, эркерами и донжонами. Мечта любого мальчишки, да, наверное, и девчонки тоже. В некоторые можно было даже зайти. Севилья повертел головой и в немом изумлении уставился на Петра.

– Нет, что вы, – засмеялся тот. – Я, конечно, люблю свои замки, но на такое количество у меня бы не хватило бы ни сил, ни времени. Это просто оптический эффект. Я поставил для

пущей внушительности. На самом деле их много, но не бесконечно. Сколько именно я не скажу специально. Прогуливаясь между ними, вы всегда будете идти по кругу, и когда поймете, что вы это уже видели, тогда и конец. А не поймете, и здорово. Прогуляемся?

Севиля подержал идею с удивившим его самого энтузиазмом. Сколько продолжалась экскурсия, он так и не понял, но когда они вернулись на скамейку, впечатлений было столько, что Севиля просто сидел некоторое время и молчал.

– Вам понравилось? – Петр несколько просяще смотрел на него.

– Да, очень. Это ... восхитительно. Они такие необычные. Там чувствуется жизнь. Это, это ... Непередаваемо, – он помолчал. – И видно, что в каждом есть частичка вашей души. Они именно ваши, ни с кем не спутаешь.

Петр гордо посмотрел на Севилю. Видно было, что такая оценка его очень тронула.

– Если захотите, можете приходить в любой момент. Найдите меня и можете идти. Как пожелаете, хотите один, хотите со мной. Я бы дал вам пропуск, но Предлистье изначально создавалось именно как закрытое. Проход могу открыть только я. Извините.

– Что вы, за что вам извиняться. Эта красота действительно должна быть доступна только с вашего разрешения. Там же все очень хрупкое и личное. А за приглашение спасибо. Я не знаю, когда в следующий раз приду, мне еще столько надо узнать и столькому научиться, но то, что я приду – это точно. Обещаю.

– Всегда буду рад вас видеть. Правда, – Петр протянул руку, и Севиля с удовольствием ее пожал.

– Всего хорошего.

Вокруг уже стемнело, и Севиля молча брел по улицам Странного Города, бережно лелея в душе только что увиденный образ и полученное настроение. В Улитарте и вправду еще много-много чего есть. Но сюда он обязательно вернется. И не раз. Почему он был так в этом уверен, он бы и сам не сказал. Хотя на то момент и надо бы было задуматься. Хотя именно на тот момент там не разобрался бы и Мастер Вариантов. А Севиля просто шел по улицам Странного Города Радуг Безумных Надеж Магов. Или как там его?...

Глава 7

Бом, бам, бом, бам, бом, бам...

Три рыцаря-улонга вспугнутыми зайцами прыгали по полигону. Прыжок, уклонение. Присесть. Кувырок. Прыжок. Щит, прыжок.

Бом, бам, бом, бам, бом, бам... Ничего у них не получалось.

Голубые шарики магических узоров, вылетающие из угла полигона, находили их, куда бы они не направлялись. Врезаясь в магов, пытающихся от них убежать, они рассыпались колющими холодными искрами. И, судя по кривящимся лицам рыцарей, искры эти были далеко не безобидными.

Фр-р-р...

Один из улонгов исхитрился и отправил в ответ свой шарик, красновато-коричневый. До-о-онг! Очередной голубоватый шар перехватил противника в воздухе и взорвался с колокольным гулом. На мгновение голубые шарики перестали появляться, и тут же троица взорвалась красно-коричневым фейерверком. Не тут-то было. Голубоватая пелена перехватила стаю коричневых шаров, собрала вместе, спеленала, подняла вверх и там бабахнула, заставив рыцарей присесть, схватившись за головы. И тут же из угла полигона вылетели три струи голубоватых шаров, облепивших улонгов, позабывших о защите.

Раздавшиеся вопли ясно показывали, что рыцари сдаются, признавая свое поражение.

– В следующий раз я подниму температуру воздействия, чтобы вы прочувствовали, что значит, непрочное крепление щита, – из угла полигона показалась высокая прямая фигура, окинула трех рыцарей, сидящих на земле, недовольным взглядом и, не говоря более ни слова, направилась к выходу.

– Одно слово: «Деревяшка», – с чувством бросил один из улонгов в закрывшуюся за фигурой дверь. Он скривил губы, передразнивая: – «чтобы вы прочувствовали, что значит, непрочное крепление щита». Пош-шел ты...

– Зря ты так, – не согласился с ним один из собратьев по несчастью. – Он же два дня долбил в это крепление. И потом еще показывал, что туда бить будет.

– И все-таки поймал, – с восхищением пожаловался третий. – Вроде, на банальную подначку: обыкновенный «глушак», а ничего не сделаешь. Вот умеет...

– Подумаешь, – обиженный первый никак не успокаивался. – Ну, поймал на детской обманке. Ничего серьезного-то нет. Это мы тупо прозевали. Делов-то...

– Мечом по башке, как правило, так и прозевываешь. Тупо. И ничего больше не надо, – посерьезнел второй. – Вот он нас и учит не зевать.

– Да пош-шел он..., – презрительно повторился первый.

Дверь шевельнулась, и рыцарь мгновенно заткнулся. Остальные рассмеялись.

– Мужики, Ланья не здесь? – в дверь просунулась голова в тонкой металлической сетке: посыльный.

– Ушел, – поведал второй.

– Других дураков искать, – пробурчал первый.

– Досталось? – посочувствовала голова. – Бывает. А куда он пошел, не в курсе? Его Хозяин ищет.

– Нормально, – махнул рукой третий улонг. – Зато потом целей будем. А пошел он... не знаю куда. К себе, наверное.

– Ладно, посмотрю, – голова исчезла.

Рыцари секунду продолжали смотреть на закрывшуюся массивную дверь, потом почти хором вздохнули и, крича, начали подниматься на ноги. Очередной урок рыцаря-дилонга Красного Замка Ирила Ланьи можно было считать закончившимся.

– Рыцарь-дилонг, – посыльный нашел Ланью на берегу, в одной из беседок, щедро рассыпанных по всему периметру острова. Красный Замок требовал все больше и больше места, занимая все пространство когда-то немаленького куска земли, окруженного гладью живописного озера, а людям требуется место, где можно побыть одному. Или вдвоем. Половина населения Красного Замка – это молодежь. Причем обоих полов. Отчаянная, бесшабашная, задорная. Романтическая, увлекающаяся, горящая. И где, простите, пыл остужать?

Ланья вздохнул, его пыл если и мог остужаться, то явно не тут. А где? Этот вопрос Ирил даже самому себе предпочитал не задавать, а уж посыльному-то показывать, что творится в душе....

– Я слушаю вас, рыцарь-улонг.

Посыльный, молодой парень, не так давно добившийся направления в Пестик, смешался. Бешеного Ланью вообще робела большая часть магов Красного Замка. И это при том, что сами проявления легендарного белого бешенства видели от силы человек пять. Впрочем, Ирила более чем устраивала его репутация, и он не собирался что-либо менять.

– Судя по вашей сетке, – Ирил указал, на металлическую паутину, предохраняющую головы дежурной смены от любого ментального воздействия, – вы искали моего общества не для получения обучающей информации.

Вышло как-то неуклюже, но парню хватило. Псевдовычурная фраза повергла его в некоторое подобие ступора. Требовалось время, чтобы соотнести серьезную угловатость речи Бешеного и приказание, отданное дежурным. Ланья усмехнулся про себя. Холодной отчужденности образа он старательно учился у Гермеса, благо общаться с Хозяином Красного Замка ему приходилось, в силу его статуса, достаточно часто. Данный случай был из этого же ряда.

– Вас вызывает Хозяин, – родил, наконец, созвонившийся с головой посыльный. – Ждет сейчас у себя.

– Хорошо, – кивнул Ирил. – Иду.

Не понявший намека парень продолжал бестолково топтаться на месте, явно не представляя, как заставить этого жутковатого типа исполнять однозначный приказ. А ведь он еще и не с Земли...

– Вы свободны, рыцарь-улонг, – Ирил показал рукой направление.

Парень начал затравленно пятиться. Ланья вздохнул и двинулся следом. Не объяснять же сопляку, что он не любит компанию.

Выросший в холодных северных просторах Хайара, и воспитанный в боевой аскезе торком-воином, Ирил тяготился большим количеством народа, собранного в одном месте и получающего удовольствие от этой скученности. Была бы его воля, он бы век прожил одиноким бдюком, но человек полагает, а Несоуществующие сами решают, кому и куда идти и где жить. Ему выпало вот так....

Ланья вздохнул про себя. Ему вообще постоянно выпадало «вот так». Как угодно, но не так, как он предпочел бы. Он хотел быть вольдом, так нет же: магические способности и интерес к ним со стороны Старших Рас преопределили ему путь боевого мага и подсунули ему в учителя торка-воина Тахора Гумануч-он. Нет, сейчас он не жаловался, но кто-нибудь его спросил? Хотя, о чем было тогда спрашивать сопливого мальчишку.... Он хотел оставаться в Хайаре, так его оттуда вышибли боевые пятерки аталь. Он честно пробовал прижиться в Улитарте, но куда девать этих вечных щенков от магии, которые заплонили весь Странный Город? Почему ему не дают жить так, как он хочет? Почему нельзя быть одному, но со всеми? Ланья еще раз вздохнул про себя. Хороший вопрос. Для сумасшедшего....

Да, он боевой маг. Да, не из последних. Да, много умеет и может. Да, это он первым создал темпококон.... Но он ни о чем этом никого не просил. Все, что он хотел, это жить где-нибудь в тихом, уютном месте, и чтобы его вечером дома всегда ждала.... стоп. Нет, не так.

СТОП! Совсем «СТОП». Сова теперь не его. И не здесь. И не будет здесь. И его... Она теперь сама по себе. Ничья. Ничья?! В Улитарте?! Ирил сжал кулаки и скрипнул зубами. Шедший впереди посыльный чуть вобрал голову в плечи: услышал.

Ланья невесело усмехнулся. Конечно страшно. Идет сзади тебя Бешеный Ланья по прозвищу «Деревяшка» и зубами скрипит. Тут испугаешься. Он окинул взглядом приближающиеся стены Красного Замка, за которые уже давно выплеснулись все хозяйственные постройки. В лучах зеленоватого полуденного солнца они отливали нежной весенней зеленью. Вопрос каждого новичка, впервые прибывавшего в Пестик, «А почему он «красный»?», уже давным-давно стал традицией. Этого вопроса ждали, к нему готовились, и с удовольствием выпаливали в ответ довольно туповатую, на взгляд Ирила, шутку: «А потому что не синий». Кажется, это Шатун в свое время постарался. Причем выпалить эту глупость первым считалось почетным. Шатун даже определение для таких случаев выдал. «Первонах», так, кажется.

Постройки кончились, Ирил с посыльным подходили к стенам, на самом деле защищавшим оплот Земли в Пестике. Ланья расправил и без того прямые плечи: никто не увидит его слабости. Он такой, какой есть: мастер-инструктор рыцарь-дилонг Ирил Ланья. Личная гвардия Хозяина Красного Замка Гермеса Седьмого. По земной классификации, генерал-лейтенанта Йенсена. И, для разнообразия, эту жизнь выбрал он сам.

– О, нашелся! – в приемной Гермеса маялся Шатун. – А я уже пари начал заключать: что раньше случится – вы, Ваше Магичество объявитесь, или Земля Клевер завоеует.

Ланья поднял уголок рта. В его мимике это означало улыбку. Судя по реакции, Шатун тут уже давно. Минуты две.

– Я рад, что поднял тебе настроение, – жизнерадостно осклабился Шатун. – Довольный Ланья, приятнейшее зрелище. Вы не находите, Леночка?

Шатун всем корпусом повернулся к секретарю Гермеса, наблюдавшему эту сцену с нескрываемым неудовольствием.

– Не нахожу, – подчеркнуто ровно отозвалась она.

«Леночкой» секретаря Хозяина, Елену Сергеевну Ташно, с легкой руки Шатуна называли все. За глаза. За что сама Ташно была готова Шатуна разорвать голыми руками. В чем-то Ирил был с ней согласен. Шатун как-то показывал картинку одного земного насекомого, которое называлось «богомол». Одно лицо. Называть ее «Леночкой» было как-то... неправильно, что ли? Под пристальным взглядом внимательных серых глаз хотелось встать по стойке «смирно», а вовсе не балагурить. Шатун единственный, кто умудрялся сохранять шуточный тон в общении с ней. Остальные старались как можно быстрее делать то, о чем она просила, и норовили бежать. Большинство обитателей Красного Замка искренне недоумевали, зачем Гермес держит у себя эту мымру неопределенного возраста? Ирил тоже недоумевал. До того момента, пока однажды «Леночка» не заявила на полигон, где отдыхало после тренировки отделение «прямого подчинения» Хозяина, и не показала, кто здесь чего стоит. Когда она вызвала скоординированную пятерку, все прищурились. Гермес к себе дураков, конечно, не брал, но народ остро почувствовал несоразмерность: куда ей столько? Но ведь приглашает же. В итоге вышла тройка: неудобно как-то против женщины впятером. Ирил в эту тройку не попал (вернее не пошел), чему потом сильно радовался. Ташно уделала троих далеко не последних бойцов за минуту. Причем как она это сделала! Пять порталов за минуту внутри помещения! Сам Ланья, или тот же Шатун, например, и один-то вряд ли сделает на таком расстоянии. А тут пять! За минуту! За ней взгляд не успевал... Да на выходе из каждого – еще и боевой поражающий узор. И не какая-то там энергетика: молнии, файерболы и прочие огневушки-посакаушки. «Материал», как классифицировали такие узоры сами маги. Овеществленные твердые предметы. Шипы, иглы, лезвия. Да еще с проникающим эффектом, благодаря которому, они вскрывали

стандартные щиты бойцов, как нож консервную банку. Ланья минуты две челюсть не мог с пола подобрать.

Леночка тогда осмотрела место закончившейся битвы, задорно сверкнула глазами, улыбнулась, на мгновение превратившись в довольно симпатичную женщину, и, не говоря ни слова, ушла под аккомпанемент захлопывающихся ртов. Больше, правда, Ирил ее такой не видел.

Внушения хватило, и с того момента никто не позволял себе попыток панибратского общения с цербером Гермеса.

Кроме Шатуна, ему, как всегда сам черт не брат. Вот и сейчас...

– Напрасно не находите, – попенял балагур. – Общеизвестный страдалец Ланья, пребывающий в благостном настроении – явление в нашей жизни редкое, как восход желтого земного солнца.

Он наставительно поднял палец.

– Им надо наслаждаться, пока не убежало.

– Я найду, чем можно наслаждаться помимо благостного настроения рыцаря-дилонга Ланьи, – ледяным тоном отрезала Леночка. Она кинула на Ирила недовольный взгляд, как будто это он ее подначивал.

– О-о..., – обрадовался Шатун, но довести комедию до конца ему не дали.

– Хозяин ждет уже семь минут больше положенного, – непререкаемым тоном Леночка заставила Шатуна выскочить из кресла.

Ланья посмотрел на выстроившегося возле двери Шатуна и улыбнулся про себя. Удивительное дело, земные маги, попадающие в Пестик, как правило, являли собой занимательнейшее зрелище. Почти все они представляли собой вовсе не то, о чем можно было подумать при первом знакомстве. Единицы внутри оказывались теми, кем представлялись вначале: бледными немочами, неотразимыми красавцами или серыми, невыразительными мышками. Основные достоинства магов, как правило, были спрятаны глубоко внутри. Это земная особенность, что ли? Шатун исключением не являлся. При взгляде на него, на ум приходило одно единственное слово – «овал». Овальная голова, одутловатое туловище, пухлые руки и ноги. И только поздоровавшись, как когда-то это сделал сам Ирил, можно было начать понимать, что под этой пухлостью скрываются железные тренированные мышцы. При необходимости увалень Шатун мог прыгать как литой резиновый мячик без всякой магии. А магию вообще можно было оставить в стороне – в «прямое подчинение» Гермеса середняки не попадают.

Дверь открылась, и с философскими размышлениями пришлось закончить.

Появившийся в проеме человек больше всего напоминал какого-нибудь потомственного аристократа. Главу Ветви у аталь, например, в ...надцатом поколении. Или торкского вождя из горного клана, если тому внешность немного подправить. Здесь со внешностью было все в порядке. Узкое породистое лицо, неожиданно светлые пшеничного цвета волосы, темные брови. Волевой подбородок, жесткая линия рта. Глаза чуть навывкате. Нос с небольшой горбинкой, придающий непроницаемому лицу схожесть с осматривающим свои владения орлом. Высокий, но не нескладный. Вождь, лидер, хозяин. В смысле, Хозяин. Хозяин Красного Замка. Гермес Седьмой. Генерал-лейтенант Управления Практической Магии ВС РФ Йенсен Торвальд Эрикович.

Что это за буквы: ВС..., РФ..., и прочее, Ланья понимать понимал, но до сих пор не принимал категорически. Хотя сам уже почти год числился по этому ведомству. В свое время это его немало повеселило. Оказывается, Земля его уже учла, занесла в какие-то свои списки, и ... хи-хи ...поставила на какую-то штуку, которая называется «довольствие».

Впрочем, вольда-мага Ланью все эти условности волновали мало – он служил Гермесу. И сейчас ему зачем-то понадобился.

– Вы уже здесь, – удовлетворенно констатировал Хозяин. – Проходите.

Шатун с Ирилом прошли в кабинет.

– Леночка, Рябоцкий подойдет – сразу ко мне, – попросил Гермес и закрыл дверь.

Точно, как Ланья мог забыть, вторым и последним человеком, называющим Ташно «Леночкой», был сам Йенсен. Но и все.

– Хорошо, – донесся из приемной ангельский голосок. При общении с Гермесом Леночка превращалась в тающий крем.

Ирил ухмылку сдержал, а Шатун и не подумал. В последний момент пред тем как дверь кабинета закрылась, он все-таки успел, озорно улыбаясь, показать Леночке язык. Последним, что Ирил увидел в приемной, было пунцовое от злости лицо секретаря. Похоже, надо попросить Гермеса, чтобы это было какое-то особенно важное задание, где без них все рухнет. Только в этом случае Леночка не рискнет приколотить голову шутника к стенке у себя в квартире.

Хотя вообще-то, Ланье давным-давно надо было остерегаться своих желаний, они у него обычно сбывались...

– Ну что, дети мои, – под глазами у Гермеса красовались темные круги от усталости (что-то такое про большое количество дел у Хозяина в последнее время Ланья слышал краем уха), но величавости движений он не утратил. – Готовы к труду и обороне? Родина зовет.

– Опять? – у Шатуна еще не прошел запал после Леночки.

– Куда? – деловито поинтересовался Ланья.

– Сейчас узнаете, – улыбнулся Хозяин. – О, вот и Иван Андреевич.

Дверь приоткрылась, пропуская добрейшего на вид кругленького крепыша, Ивана Андреевича Рябоцкого. Главу службы безопасности Красного Замка. Ни больше, ни меньше. Не нарушая общего настроения, Рябоцкий поздоровался и аккуратно пристроился на третьем стуле чуть в стороне от Ирила с Шатуном.

– Ну что, – Гермес обвел взглядом троих магов. – Слушаем внимательно. Задание у нас трудное, но интересное....

Его прервал осторожный стук в дверь.

– Да-да, заходите, – разрешил Хозяин Красного Замка.

Шатун с Ланьей повернулись в сторону двери.

– Прошу любить и жаловать, – немного иронично сообщил со своего места Гермес. – Я полагаю, представлять никого никому не нужно.

– Здравствуйте, ребята, опять вместе идем?

Что ж, Ланья не удивился ничуть. Кто кашу заварил, тот ее и раскладывать по тарелкам будет. В кабинет зашел никто иной, как Щербин Сергей Александрович.

Глава 8

Тооргандо всегда любил шумную круговерть Такатака. Вольды, маги, гвардия барона, торговцы, перекупщики, зеваки. Шум, гам, мельтешение цветных пятен, калейдоскоп улыбок. Центром города, да и всего баронства, всегда был рынок. Не огромная площадь с шатрами, как в большинстве других баронств; не скопище прилавков, как в Директории, а лабиринт маленьких узких улочек и переулков, в которых стояли дома, где знающий вольд (незнающему тут вообще нечего делать) всегда найдет все, что ему нужно.

Такатак стоит на самой границе Территорий, и гарантировать, что завтра оттуда не вырвется что-либо зубодробительное, с чем не справятся ни вольды, ни маги, не может никто. Потому и каждый дом тут укреплен так, что пробраться в него – задача для самоубийцы. Потому и улочки узкие – в них не раз и не два запирали ошалевших от крови, плюющихся ядом и магией Тварей. Но эти же улочки и придавали особое очарование Такатаку. Больше чем этот город, Тооргандо любил только Улитарт.

Если бы не опасное соседство, в Такатак вполне можно туристов возить, любоваться загадками древнего города. Но Территории никуда не уйдут. А если и уйдут, то Такатак пойдет вслед за ними – город всю свою историю жил только благодаря толпам вольдов, оставляющих в его тавернах и магазинах большую часть своих заработанных денег. И эти же толпы никаким туристам здесь спокойно погулять не дадут.

– Куда прешь, щенок?! Под ноги смотри! – огромный торк чуть не прошелся по столкнувшемуся с ним гемару.

Тооргандо развел руками, мол, извините, уважаемый. Торк смерил его презрительно-грозным взглядом, секунду подумал, но все же решил не связываться с сосунком. Прорычал что-то воинственное, плюнул и нырнул обратно в бряцающую всеми видами оружия толпу. Тооргандо проводил его немного насмешливым взглядом. Размеры его не пугали ничуть, а если дело дошло бы до магии, то забияку ждал бы весьма неприятный сюрприз. Хотя, откуда тут взяться магам? Все маги давно в Директории. Мастер Ацекато не зазывал магов-нелюдей к себе, но и препонов никаких не ставил. Директория и Улитарт открыты – живи, кто хочет. Ограничение одно – государственные посты занимают только люди. Не ущемление прав – принцип построения государства. Еще в самом начале, при создании Директории Братство спросило вольдов: «можно так?». Возражений не было. Поэтому сейчас любой, кто почувствует в себе силы мага, первым делом отправляется в Директорию – учиться. И уж только потом, если будет желание, возвращается жить в баронства.

Но улочки улочками, а у гемара Братьев Находящих Тооргандо здесь имеется вполне конкретная цель. С сожалением посмотрев на развеселую толчею, Тооргандо вздохнул и решительно двинулся в сторону от лабиринта. По уходящей вверх тихой улице. Туда, где, теряясь между пышными кипами деревьев, скромно белел аккуратный домик с портиком над входом, поддерживаемым двумя колоннами. Подойдя к двери, Тооргандо уже занес, было, руку, чтобы постучать, но в последний момент передумал. Ему показалось, или один из узоров, щедро покрывающих дверь, слегка переместился? Гемар присмотрелся. Вроде, нет. Но лучше не рисковать. Тооргандо аккуратно постучал специально привешенным сбоку кольцом..

– Заходи, мальчик, – почти сразу раздался из-за двери хрипловатый голос.

Тооргандо ухмыльнулся. Дня не прошло, как он в Такатаке а его уже дважды «приласкали». Там «щенок», тут «мальчик». Но если громиле-торку просто повезло, не до него было, то голос из-за двери имел право.

– А на меня ничего не упадет? – подняв голову, поинтересовался Тооргандо.

Дверь распахнулась.

– Ты правда думаешь, что я в Такатаке на дверь поражающий узор поставлю? – дверь распахнулась. На пороге появился невысокий, сухой, уродливый даже по меркам Желтого Лепестка, торк.

– Имея дело с вами, сараси Тахор, я предпочитаю не думать, а знать, – Тооргандо слегка поклонился.

– Учишься, – удовлетворенно констатировал торк и отошел вглубь дома. – Проходи, не стой на пороге.

Заверения заверениями, а, проходя дверной проем, гемар отметил, как по нему прошло два сторожевых узора. Тахор Гумануч-он даже на отдыхе не думал расслабляться.

Длинный коридор, большая комната в конце, пара поменьше. Много окон, света и ... оружия. Весь коридор был увешан различными приспособлениями для отнимания жизни. Тооргандо против воли задержался в конце коридора. Особняком, перед большой комнатой на стене висел ... этот, как его, Вася же говорил... Пулемет, во.

– Любуешься? Правильно. Старик оч-чень уважает земное оружие, – из комнаты выкатилось овальное тело и распахнуло объятия. – Здор'ово, бродяга!

– Привет! – расплылся в улыбке Тооргандо. – Сколько не виделись! Ну что, подеремся?

– Насколько я понял идею вашего предстоящего выхода, – из комнаты справа вышел Тахор с кружкой в руках, – я бы предпочел, чтобы вы просто прогулялись. Скучно и тихо. А для «подеремся» придумали бы какое-нибудь другое место и время. Тем более, вам что, подражаться в жизни не с кем?

– Жуть, – легок там в общении Тооргандо, или не легок, а славу первого болтуна Шатун не собирался никому уступать. – Верите, сараси Тахор, месяцами мухи обидеть не получается. Скоро плесенью весь зарасту. Превеликое спасибо Братству Магов Земли, – Шатун отвесил шутовской поклон Тооргандо, – Мастеру Ацекато, дону Антонио Сибейре и лично гемару Находящих Тооргандо, что не забыли бедного, убогого, всеми оставленного....

– По-моему, ты переигрываешь, – прервал разогнавшегося Шатуна Тахор. – Гостя надо в дом приглашать, а не в коридоре держать.

Он показал кружкой в сторону комнаты. При этом из кружки как бы случайно выплеснулось несколько капель, заставивших Шатуна отпрянуть назад.

– По-моему – тоже, – Тооргандо шагнул за ним.

Войдя, он обежал взглядом пустую комнату.

– Ланьи нет, – раздался голос сзади. Это Тооргандо думал, что их отношения никого не касаются. Шатун думал иначе.

– Ага, – как можно ровнее отозвался гемар. Вышло довольно убого.

– Он пошел Швайцеру со Щербиным показывать Такатак, – Шатун предпочел не зостряться. – А заодно и кой-чего для них прикупить.

– Прикупить? – не понял Тооргандо. – Красному Замку? В Такатаке?

Закупки бойцов что Братства, что Красного Замка в Такатаке выглядели довольно ... неординарно. Это еще кто где закупаться должен.

– Они к Утабаю пошли, – пояснил сбоку устраивающийся в кресле Тахор.

– А-а-а.

Утабай был признанным мастером снаряжения. Не магом, но специалистом, почище любого Мастера Вариантов. Глемм видел суть вещей. Его рекомендации всегда были краткими, но ювелирно точными. Хотя иногда и выглядели довольно странно. Но если он говорил, что в снаряжении всегда должна присутствовать вилка, и купить ее необходимо, к примеру, у Задайка дил Гончи, то хочешь не хочешь, но приходилось идти к Задаюку и покупать эту треклятую вилку. И даже если за всю свою жизнь ей ни разу не приходилось пользоваться, то само ее присутствие уравновешивало окружающее бытие и позволяло избегать некоторых неприятностей.

Не панацея, но помощь. А в беспокойной вольдовской жизни, полной неожиданных сюрпризов, подобная помощь была далеко не лишней.

С одной стороны, такой подход более приличествовал торкам с их принципом «достаточности», но у Утабая тоже получалось неплохо. Более чем. К примеру, весь Совет Старших у вольдов был экипирован исключительно по рекомендациям Утабая. Тот же Мастер Ацекато до сих пор на выходах носит куртку и меч, сосватанные ему ворчливым глеммом еще в период его бытности членом Команды Теренса. И не жалуется. В общем, визит Щербина со Швайцером к Утабаю лишним точно не будет.

– Так я, собственно, к чему зашел. Спасибо, – Тооргандо принял кружку с дошем. – Мы хотим вас пригласить к нам.

– Я не путаю, выход через два дня? – поинтересовался Тахор.

– Опытom обменяться, – пояснил гемар.

– Угу, – Тахор сморщил лицо, не поймешь, то ли смеется, то ли ругается. – Теперь это называется так?

Тооргандо расплылся в улыбке.

– Ну, не без этого. А как еще боевой дух спланивать? – он посерьезнел. – Но перед основным действием есть пара технических моментов.

– Понятно. Девушки будут? – с убийственной серьезностью поинтересовался Шатун.

– Ты ж, паразит, почти женат, – возмутился гемар.

– Не для себя стараюсь, – благочестиво возвестил Шатун. – Радею исключительно о благе друзей. А то так и помрете бирюками.

В глазах Тооргандо промелькнуло и пропало что-то странное. Шатун заткнулся.

– Не помрем, – нейтрально ответил гемар. – Перед основным действием Шаман хотел показать несколько новых магиприпасов.

– Каких? – заинтересовался торк.

– Шаман сказал, будет показывать лично, – откестился Тооргандо.

Стукнула входная дверь, раздался голоса.

– Здравствуй, Тор, – Тооргандо повернулся. На пороге комнаты стоял Ланья.

– Здравствуй.

Воцарилось молчание. Даже Шатун решил для разнообразия придержать свой язык. Ирил с гемаром молча смотрели друг на друга.

– Рад тебя видеть, – как ни странно, первым нарушил это молчание Ланья. – Наслышан о твоих подвигах.

– Я тоже, – ни дать ни взять званый ужин, а не встреча двух друзей, не видевших друг друга год.

Тооргандо встал, подошел к Ирилу и молча подал руку. Ланья так же молча ее пожал. И опять стало слышно, как где-то за окном уличный торговец расхваливает свой товар.

– Кхм, – первым не выдержал, естественно, Шатун. – Это... Тор, приглашает нас к ним. Типа отдохнуть, а заодно и полюбоваться последними достижениями магической мысли. Горячие головы Улитарта и все такое. Небось, Гайденн чего напридумывал?

– Нет, – Тооргандо развернулся в сторону Шатуна, чуть улыбнувшись. Каменная маска треснула. – Шаман с Сибейрой запретили же пользоваться амулетами Гайденна на выходах. По крайней мере, до полного завершения их тестирования.

– Совершенно правильно, – раздался ровный голос Ланьи. – Мы как-то раз попытались применить его очередное изобретение.

– И что? – Тооргандо ни в Тварь не уперся этот Гайденн, но не в молчанку же опять играть.

– Хвала Несуществующим, все остались живы, – Ирил поднял уголок рта.

Тооргандо присмотрелся, классифицируя выражение лица, а потом широко улыбнулся.

– Ну, так вам еще повезло. Он тут недавно Кашею свою очередную штуку преподнес, так, на пробу. А Кашей бросил ее к себе куда-то и забыл. А потом хватанул сгоряча, не глядя...

Ланья понял второй уголок рта, Шатун затрясся от хохота. Даже Тахор соизволил коротко скрипнуть из своего кресла: слава Гайденна давно уже вышла за пределы Города Безумных Магов.

Несколько секунд улыбок, и Тооргандо распахнул объятия.

– Здрав-рово! Что ты стоишь, как на похоронах? Сто лет тебя не видел.

– И я рад, – Ирил, наконец-то улыбнулся во весь рот, подошел к гемару и аккуратно его обнял.

– Ну что? – Тооргандо всмотрелся в Ланью. Давным-давно пробежавшая между ними кошка благополучно сдохла. Кажется. – Идем к нам?

– Так..., – Ирил оглянулся на торка.

– Вот только попробуй не согласиться, придушу, – пообещал Шатун.

– А чего это ты...? – не понял гемар.

– А я теперь не абы кто, а военнообязанный Земли, или Земле? – запутался Шатун.

– И что? – Тахору тоже стало интересно.

– А то, что мы теперь ходим столько строем и только со старшим, – широко распахнул глаза балабол.

– И кто у тебя старший? – заинтересовался Тооргандо.

– Они-с, – Шатун изобразил полупоклон в сторону Ланьи. – Их Магичество, и никто другой. Хозяин прям так и сказал: «вот тебе, Шатунушка, барин, его и слушайся». Ай!

При желании Ланья мог двигаться очень быстро.

– Как думаешь, что с ним сделать? – невозмутимо поинтересовался он у Тооргандо, кивнув на пляшущего вокруг заземленного носа Шатуна.

– Я так думаю, – задумчиво протянул гемар, – что его нужно ... напоить.

– Дочда, – Шатун безуспешно пытался освободить нос. – Но сдачада беда дуждо одпусидь, а потоб быстдо-быстдо убежадь.

– Зачем? – поинтересовался Ланья.

– Ждобы в живых осдадься, – Шатун попытался достать обидчика рукой, но реакция у Ирила была лучше.

– Будешь еще ерунду нести? – нахмурился Ланья.

– Обязядедьно, – зашипел Шатун.

Ситуация накалялась. Тахор текуче поднялся из своего кресла, подошел к сцепившимся магам и разъял нос и руку.

– Стой, – его палец уперся в распухший нос рванувшегося Шатуна.

– И ты останавливайся, – осадил он приготовившегося Ланью.

– Сдурел? – возмутился из-за Тахора Шатун, ощупывая пострадавший орган.

Тахор осуждающе посмотрел на Ирила.

– Извини, – нейтрально посочувствовал тот. – Не рассчитал.

– Ни хрена себе «не рассчитал», – Шатун обиделся всерьез.

– Правда, извини, – раскаялся Ланья. – С меня кружка вечером. Лично наполню и принесу.

– Две, – мгновенно среагировал Шатун.

– Договорились, – улыбнулся Ланья.

– Ну и здорово, – обрадовался благополучному разрешению проблемы Тооргандо. Но, как выяснилось, рано.

Оба мага синхронно повернулись у нему.

– А ведь это все из-за него, – не отрывая взгляда от гемара, поделился своими сомнениями Шатун.

– Точно, – заговорщически согласился Ланья. – Если б не он со своей пьянкой, ничего бы не было.

– Вы, это... чего? – не понял гемар.

– Бей улитартских, – углом рта прошипел Шатун.

– А то ходят тут, помедитировать не дают, – таким же шипением согласился Ирил. – А потом еще и издеваются.

– Чудо расчудесное, – до Тооргандо, наконец, дошло. – Ирил Ланья шутит. Не иначе, половина Тварей в Территориях сдохла, – сварливо пожаловался он потолку.

Но развить саркастический порыв у него не получилось.

– Точно издевается, – сокрушенно поведал Шатун. – Не уважает он нас. Что будем делать?

Ланья сделал ангельские глаза:

– Фас!

– Что это с ними? – Йохан Швайцер, командир немагической боевой группы, приданной Ланье с Шатуном, появившись на пороге комнаты, удивленно разглядывал кучу-малу из трех магов. Из кресла за ними наблюдал дымящий трубкой Тахор.

– Ты щенков тварят когда-нибудь вместе видел? – поинтересовался он.

– Нет, – Швайцер не очень понимал, к чему торк клонит.

– Полюбуйся, – кивнул Тахор на барахтающихся магов. – Это они скоординированность действий отрабатывают.

Уродливое лицо торка напоминало печеное яблоко: морщина на морщине. Тахор откровенно забавлялся.

– Здравствуй, Йохан, – из свалки поднялась голова Тооргандо.

– Привет, – озадаченно отозвался Швайцер.

– Я сейчас, – пообещал гемар и снова скрылся под овальной тушкой Шатуна.

– И долго он так будут? – поинтересовался Швайцер у Тахора.

Тот пожал плечами.

– Я так думаю, пока не устанут. Присаживайся, – он кивнул на свободное кресло, перед которым дымилась кружка с дошем.

Глава 9

– Всем здравствуйте, – Шаман оглядел собравшихся.

Вольды, маги и бойцы Красного Замка, удобно устроившись на мягких стульях, приготовились слушать Распорядителя Улитарга. Шестнадцать лиц. Наконечник магического копья человечества.

– Сразу объявляю, – ухмыльнулся Шаман. – Пока здесь не закончим, никто никуда не пойдет.

Он положил руку на покрытый темной тканью столик, стоящий рядом с ним.

– А если приспичит? – поинтересовался со своего места Шатун.

Шаман сделал вдох. В отношении Братства вопрос старшинства Шамана даже не поднимался ввиду очевидности. С Красным Замком дело обстояло несколько иначе.

– В карман соседу, – с готовностью отозвался Демчи.

Шаман закатил глаза.

– Так. Вот эта парочка, Шатун-Демчи, сразу расходитесь по разным углам, и чтобы я вас вместе не видел.

– А если приспичит? – уже по другому поводу повторился Шатун.

Вопрос был гораздо глубже. Если Демчи затыкался по первому слову Шамана, то Шатун, при всей «свойскости» в Улитарте, куда он мотался чуть ли не раз в две недели, Шаману не подчинялся, и, по всей видимости, не собирался. Вернее, может, и собирался, но...

Шаман коротко глянул на Щербина, тот сидел с непроницаемым лицом. Шаман удивленно поднял брови: что такое?

– Когда приспичит, тогда и будем разбираться, а сейчас давай послушаем, – ровный голос Ланьи остановил заготовленную фразу Шатуна в самом начале.

– Есть, – неожиданно коротко отозвался тот. И замолчал. У Тахора они все были не на работе, а сейчас начиналось задание, на которое их отправил лично Гермес Седьмой, Хозяин Красного Замка.

Шаман внимательно посмотрел на Ланью. В его взгляде появилось понимание. Все. Фигуры расставлены по местам.

– Итак, – начал он. – На сегодняшний момент мы готовимся к выходу двумя командами. На наполнении задания останавливаться не буду, всем все уже довели. Красный Замок?

Он посмотрел на Ланью, Ирил ответил коротким кивком. Перевел взгляд на Щербина, тот вежливо улыбнулся. Шаман прокашлялся.

– Итак. Сегодня я хотел продемонстрировать два новых магиприпаса, которые подготовлены специально для нашего выхода.

Он лукаво улыбнулся.

– В прошлый раз нас обеспечивал Красный Замок: без ваших демагов мы бы ничего не добились, теперь наша очередь.

Распорядитель Города Безумных Магов немного картинным жестом снял темную ткань со столика. На столе лежали два переливающихся мягким жемчужным светом шарика. Один темнее, другой светлее.

– Вот этот, – Шаман взял темный шарик. – Магиприпас под кодовым названием...

Он сделал паузу и обвел глазами сидящих, как будто ожидая вопросов. Вопросов не последовало.

– «Купол», – закончил Шаман, остановившись взглядом на Щербине. – Благодаря ему у нас теперь есть возможность в любом месте и в любое время создавать темпококоны в полевых условиях и, что немаловажно, с четким временным промежутком..

– То есть? – не понял Щербин.

Шаман подобрался.

– До этого все темпококоны, создаваемые в Улитарте, и, я полагаю, в Красном замке тоже, базировались исключительно на принципах, использовавшихся Ирилом Ланьей.

Шаман посмотрел на Ланью, тот чуть нахмурил брови, не понимая, куда клонит Распорядитель.

– В основе всегда лежало разрушение определенного набора амулетов и скручивание пространства, – пояснил Шаман. – В итоге мы получали замкнутый на себя объект, существующий вне нашего временного потока. Нерегулируемый и существующий объективно.

Брови Ланьи разошлись, ему стало интересно. Всем остальным тоже, в комнате повисла тишина.

– В основе этого магиприпаса, лежат несколько иные принципы.

– Какие? – тут же поинтересовался Щербин.

– Иные, – значимым голосом ушел от ответа Шаман. – Это не является сверхсекретной информацией, но детали мне не хотелось бы раскрывать здесь и сейчас.

– Гермес в курсе? – поинтересовался Щербин.

– Естественно, – подтвердил Шаман. – Я дам всю необходимую информацию, но несколько позже.

Он усмехнулся.

– Тем более, что первоначальную идею разработал никто иной, как Гайденн.

По комнате прошелестели смешки.

– Ты же говорил, что гайденновские амулеты запрещены к использованию на выходах? – Шатун, приподнявшись, высмотрел Тооргандо.

– А производство и не Гайденна, – ответил за гемара Шаман. – Я говорил про идею. Так что, поскольку в Странном Городе утаить информацию невозможно в принципе....

– То вы с удовольствием ею поделитесь, – хмыкнул Щербин.

– Вы как всегда проницательны, коллега, – улыбнулся Распорядитель.

Ланья поднял руку.

– Означает ли это, что Старшие Расы тоже могут обладать этой технологией?

– Возможно, – после некоторой паузы ответил Шаман.

– Практически наверняка, – со своего места подал голос Кашей. – Другое дело, что они будут располагать только данными Гайденна.

– А чем отличается ваш «Купол»? – спросил Щербин.

– Отсутствием боковых эффектов, имманентно присущих всем произведениям Гайденна, – серьезнейшим тоном ответил Шаман.

По комнате второй раз прокатились понимающие смешки.

– И возможностью регулировки, – продолжил Распорядитель. – Как я уже говорил, Гайденну принадлежит всего лишь первоначальная идея, дальнейшие разработки велись без его участия.

– И то хлеб, – прокомментировал Шатун.

Шаман наградил его недовольным взглядом, но ничего не сказал.

– Итак, если по существу вопросов пока нет, разрешите продолжить, – весело глянул на магов Шаман. – А то мы до послезавтра тут провозимся.

– Ну, если вы считаете, что эта информация не важна..., – Щербин чуть выпрямился на стуле.

Недоволен. Еще бы, мало приятного, услышать лишний раз, что сотрудничество двух человеческих организаций не безгранично. Но тут уж ничего не поделаешь.

– Важна, – успокоил его Шаман. – И детали я раскрою позже. Сейчас же я просто показываю сам предмет и инструктирую, как и когда им пользоваться.

– Прощу вас, продолжайте, – внешне удовлетворился Щербин.

– Запуск стандартный, – Шаман решил больше не отвлекаться на эмоции. Он продемонстрировал всем свисающий из магиприпаса шнурок. – Пусковой шнур активирует стартовый узор, и дальше «Купол» разворачивается сам. Зона действия – в радиусе двадцати метров. Все, попавшее в зону, перемещается вместе с оператором магиприпаса. Отличия от первоначального варианта, – кивок в сторону Ланьи, – заключаются в следующем: это не сфера, а купол, как явствует из названия.

– То есть? – поинтересовался Ланья.

– Если сфера лежит на земле и со всех сторон закрыта, то «Купол» и в самом деле представляет собой купол.

– В смысле, можно провести подкоп и освободить «узников»? – хихикнул Шатун.

– Подкоп, конечно, можно провести, – улыбнулся Шаман. – Но освободить никого не получится. Мои, кстати, пытались. Ты не оригинален.

– В землю уходит? – Щербину, несмотря на недовольный вид, все же было интересно.

– Сложно сказать, – пожал плечами Шаман. – Точную геометрию объекта построить так и не получилось, но дно у этого купола точно есть.

– Но подкоп-то куда-то выходит? – Шатун решил добить свою идею до конца.

– Сбоку, – пояснил Шаман. – Каким-то образом выкапываешься сбоку. Не пускает он внутрь. Если интересуется более подробная информация, милости прошу в Улитарт.

– Уж не сомневайтесь, Ваше Магичество, – осклабился Шатун и тут же посерьезнел. Вспомнил про субординацию.

Возникла пауза. Все осмысливали услышанное и соображали что дальше.

– И в чем практическая польза данного магиприпаса? – нарушил молчание Щербин.

Шаман улыбнулся во весь рот оскалом довольного сенбернара.

– Защита, – многозначительно поднял палец он.

– Что защита? – подчеркнуто-нейтральную вежливость Щербина можно было мазать на хлеб. Толстым слоем. Несмотря на союзнические отношения Братства и Красного Замка и дружеские отношения самого Щербина с Шаманом, возникшие после путешествия к могильнику, творческую ревность никто не отменял.

– Фактически это непробиваемый вариант всем известного воздушного щита. Собственно, я так понимаю, Гайденн им и вдохновлялся, – пояснил Шаман.

– Просто сильная защита? – немного разочарованно протянул Шатун.

– Универсальная защита, – поправил Шаман. – Через «Купол» невозможно пробиться ничем из имеющегося на данный момент арсенала средств. Я имею в виду и узоры, и механику.

– И что? Накрываешься «Куполом», и сидишь, и ждешь? – Швайцера, как «не-мага» интересовал, естественно, практический аспект. – Чего?

– Ну да, – подхватил Шатун. – Темно, страшно, мамы нет и ... и, чего дальше?

Шаман надулся, как воздушный шарик. Щербин, в свою очередь, помрачнел, понимая, что сейчас последует очередная победная реляция. Он не ошибся.

– А вот тут и начинается самое интересное, – победно возвестил Шаман. – Прошу всех во двор.

Как любое уважающее себя государство, Директория имела представительства во всех баронствах. С чьей-то легкой руки называемые штаб-квартирами.

В Такатаке, одном из ключевых баронств Пестика, имеющем самый удобный выход в Территории, штаб-квартира, естественно, была. И немаленькая.

Половину обширного ... поместья, по-другому не назвать, занимали официальные лица Директории, в другой, по официальной версии, резвились маги Братства. На практике все было общее. *Гарай* Братьев Ищущих Иоахим Ставандес, возглавляющий местных магов, и Яромир Бжель, немолодой степенный поляк, выполняющий функции Представителя Директо-

рии в Такатаке, жили в мире и согласии, друг другу помогали и, естественно, на заезжее чудо в лице самого Распорядителя Улитарта и сами пришли, и подчиненным разрешили. Двор был полон.

Щербин, по сидящей в подкорке земной паранойе в отношении секретности, на это собрание покосился неодобрительно, но в чужой монастырь со своим уставом не суются. Это Красный Замок просил о содействии, а не наоборот. Приходилось терпеть.

Участники предстоящего выхода и любопытствующие выстроились вдоль стен, в центр вышли Шаман с Кашеем.

– Кашей Батькович, прошу, – сделал приглашающий жест Шаман.

– С нашим удовольствием, – костлявый маг жестом провинциального фокусника продемонстрировал всем шарик «Купола» и аккуратно потянул за стартовый шнурок.

Ш-ш-шур. С тихим шелестом в центре двора возникла полусфера Серовато-стального цвета. Минуту ничего не происходило.

– Ваше Магичество, – не выдержал Шатун, – мы уже дозрели. Можно, начинать?

Шаман не удостоил нахала даже взгляда. Выждав еще несколько секунд, он двинулся вперед, подошел к поблескивающей в вечерних солнечных лучах сфере и вытянул руку вправо, как будто показывая куда-то.

Прошла минута, другая, третья. Картина не менялась. Ланья, прекрасно помнивший свои ощущения внутри кокона, когда вокруг ни Твари не видно, кроме черноты, уже совсем собрался скривить губы в недоверчивой улыбке, но полусфера вдруг дрогнула. Еще раз, еще.... И начала медленно, по сантиметру смещаться в сторону, которую указывал Шаман. У Ланьи против воли открылся рот. Рядом удивленно хмыкнул забывший обо всей своей ревности Щербин. Шатун оказался более эмоционален.

– Ни хрена себе, – раздался его голос сбоку от Ирила. – Это что, им управлять можно?

– Именно, – только природная долговязость не позволяла Шаману округлиться от рапиравшего его довольства. – Стенки «Купола» прозрачны изнутри. Оттуда можно наблюдать за происходящим. С временным коэффициентом, разумеется. И еще, если на них как следует налечь, опять же изнутри, то его можно двигать. Не быстро, где-то метров пятьсот в час, но можно.

– А связь внутри работает? – деловито поинтересовался Бжель.

– Увы, – с улыбкой развел руками Шаман. – Стенки непроницаемы. Ни снаружи, ни изнутри. Собственно, это и не стенки вовсе. Кашей сейчас находится на пять минут раньше нас. При этих словах Ирил улыбнулся про себя, вспомнив головоломку «раньше-позже», которую они решали в первые разы с....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.